

Виктор Минаков

КАЛЕЙДОСКОП

РАССКАЗЫ, ФЕЛЬЕТОНЫ, МИНИАТЮРЫ

Виктор Минаков

**Калейдоскоп. Рассказы,
фельетоны, миниатюры**

«Издательские решения»

Минаков В.

Калейдоскоп. Рассказы, фельетоны, миниатюры / В. Минаков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900704-9

Рассказ «Автограф Юлиана Семенова», открывающий сборник, подобно магниту, притянул и увлек за собой целый шлейф разрозненных воспоминаний о событиях, наблюдаемых автором, начиная с того, уже отдаленного времени, вплоть до сегодняшних дней. Обращаясь к ним, автор надеется, что они заинтересуют и современных пытливых читателей.

ISBN 978-5-44-900704-9

© Минаков В.
© Издательские решения

Содержание

Автограф Юлиана Семенова	6
Заячий скак	8
Случай в кафе	16
Баня	19
Трамвайный разговор	21
Лекция с иллюстрацией	22
Небывалое происшествие	24
Глухарка	26
Метаморфоза	28
Достояние бедняка	33
Под хмельком	39
Личная выгода	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Калейдоскоп

Рассказы, фельетоны, миниатюры

Виктор Минаков

© Виктор Минаков, 2017

ISBN 978-5-4490-0704-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автограф Юлиана Семенова

Я стал замечать, что мой внук, Алексей, частенько копошится в шкафу с довольно серьезными книгами. И мне это нравится: молодежь в наши дни занята поголовно планшетами, мобильными телефонами, а тут, посмотрите-ка, – книги!

В шкафу, отдельно от изданий, полученных по подписке, стояло несколько книг и журналов, подаренных авторами. И они оказались предметом внимания повзрослевшего внука.

– Дед, ты разве дружил с Юлианом Семеновым?.. – однажды спросил он меня. – Это тот, кто написал про «Семнадцать мгновений весны?..»

В руках Алексея находились журналы «Молодая гвардия», в которых был напечатан роман Юлиана Семенова «Пароль не нужен».

– Он много книг написал. – сказал я, и, немного смущенный категорическим словом «дружил», уточнил: – Приходилось общаться.

– Но он пишет здесь даже: «Со старой дружбой»!!

Внук говорил про автограф Юлиана Семеновича, оставленный им в этом журнале. Он действительно писал там о дружбе, и о добрых отношениях в будущем.

– Я польщен такими словами, – отвечал я уклончиво, и рассказал о контактах с этим замечательным человеком.

Весной 1965 года, в самый разгар путины, мне, недавно избранному секретарю партийного комитета рыбоконсервного комбината, позвонили из обкома КПСС:

– К вам собирается писатель Семенов. Хочет познакомиться с волжскими рыбаками. Его сопровождают наши товарищи. Примите их там, как положено, как принимаете почетных гостей.

Гостей мы всегда принимали достойно. Краснознаменный наш комбинат, был издавна известен в стране, и часто нас навещали авторитетные люди: журналисты, артисты, поэты, художники. Теперь вот – знаменитый писатель.

Юлиан Семенович приехал на обкомовской «Волге» в сопровождении инструктора обкома, и корреспондента областной газеты. Мы познакомились, поговорили немного на общие, дежурные темы, потом инструктор спросил утвердительным тоном:

– Так мы вас здесь оставляем?.. Нам сообщат, когда за вами приехать.

...Корреспондент сделал несколько снимков, и сопровождение уехало. А мне Юлиан Семенович сказал, что намерен несколько дней провести среди простых рыбаков. Желательно инкогнито. Вероятно, для какой-нибудь новой задумки.

В тот же день на катере с подводными крыльями я отвез его на самую дальнюю тону. Здесь мне пришлось согрешить: солгать рыбакам, что привез инженера по механизации ручного труда. Рыбаки, чей труд был ручным и тяжелым, отнеслись к такому специалисту радушно. Через три дня, как и было условлено, я приехал за ним уже на баркасе.

...До комбината было далековато – больше четырех часов хода, и нам удалось и познакомиться лучше, и откровенно поговорить. Обращались мы друг к другу на «ты» и просто по имени.

– Масса удивительных впечатлений, – так отозвался Юлиан Семенович о своем пребывании среди рыбаков. – Плохо мы все-таки знаем русского мужика. Тут есть над чем хорошенько подумать...

Он не стал распространяться на эту глубокую тему.

Когда наш баркас подходил к пристани комбината, там уже стояла обкомовская машина: за Семеновым приехали. Мы с ним по-приятельски попрощались, и больше нам не приходилось общаться.

Я погрузился было в приятные воспоминания, но Алексей не позволил мне сильно расслабиться.

– Он написал что-нибудь после этой поездки? – последовал его нетерпеливый вопрос.

– Конечно. И многое. Но вот есть ли о рыбаках – я точно не знаю.

– А дальше-то как у вас было? – тормошил меня внук.

– Примерно через неделю после его отъезда мне из обкома прислали вот эти журналы и фотографию, где я знакомлюсь с Юлианом Семеновичем. Ее сделал корреспондент областной газеты. Отличная была фотография: там мы пожимаем руки друг другу и улыбаемся.

– И где же она?..

– Вот фотографии, к сожалению, нет. Кто-то из наших хороших знакомых ее своровал...

– Вор не бывает хорошим, – презрительно заметил мой внук.

– Я имею в виду степень знакомства: не каждому даешь в руки семейный альбом.

Алексей переснял из журнала портрет Юлиана Семенова и его драгоценный автограф.

– Я их напечатаю на фотобумаге и вставлю в красивую рамку, – сказал он. – Будет отличная память!.. Буду показывать и рассказывать всем!

– Со временем, достанется тебе и журналы, – пообещал я.

По тому, как радостно блеснули у внука глаза, я понял, что эти предметы станут ценной семейной реликвией.

Заячий скак

Иван Васильевич Зубов, сорокалетний конструктор научно-производственного объединения «Авангард», с утра сидел за чертежным станком в глубокой задумчивости, и со стороны можно было предположить, что он с головой ушел в нелегкий творческий поиск. Однако это не так. Он, крупный, давно полысевший мужчина, разбирался в сугубо личных проблемах, и его опечаленный взгляд лишь скользил по незаконченному чертежу рассеянно и отрешенно.

Обычное утреннее затишье между тем понемногу рассеивалось. Начальник отдела, Хиврин, кратко ответив на чей-то телефонный звонок, ушел, сказав – к руководству, мужчины потянулись в коридор перекуривать, женщины заговорили о чае, и Зубов стал выделяться, нарушать гармонию общего оживления.

– Что, Иванушка, не весел? Что головушку повесил? – склонилась к нему общительная до приторности Анжелика, стол которой был рядом с зубовским со дня основания «Авангарда».

Иван Васильевич, криво усмехнувшись, промолчал, не принял ее шутивого тона.

– Опять что-нибудь с Вовкой?! – всполошилась Анжелика, но, увидев, как помрачнел сослуживец, замолчала и отошла.

Да, именно с Вовкой!.. И так чрезмерно строгая к Зубовым жизнь вдруг совершенно озлобилась и обрушила на них свои жестокие кары, и выбрала она в этой очень доступной мишени самое уязвимое место. Единственный сын, шестнадцатилетний Вовка, был покалечен прошлым летом в колхозе, где он вместе с группой из техникума отрабатывал «трудовой семестр». Пьяный шофер, перевозил ребяташек с поля и опрокинул грузовик в буерак. Двое погибли, у других – переломы, ушибы.

Три дня Вовка был без сознания. При выписке врачи обнадежили – обойдется: организм молодой, переборет. Не обошлось... Месяц назад Зубова встретила заплаканная жена: Вовка пропал!

– Как пропал?! – спросил он сорвавшимся голосом.

– Утром ушел в техникум и – пропал! – доносилось сквозь слезы. – Бегала в техникум, к ребятам из группы. Никто не знает. Вовик на занятиях не был.

Супруги заметались по улицам в поисках исправного телефона. Нашли, дозвонились до справочной, и Зубов торопливо записывал телефоны больниц экстренной помощи, райотделов милиции, морга...

Ответы ждали с тревогой, боялись услышать худшее, но неизвестность была не легче, а она оставалась – отвечали только одно: не знаем, не поступал, сведений не имеем. В милиции заявления на розыск не приняли, говорят, потерпите, найдется – возраст такой...

Опустошенные супруги, где-то к полуночи вернулись домой. Следующий день был заполнен такими же бесплодными поисками, и только вечером, когда Зубовы, не зажигая свет, молча сидели на кухне, им была протянута новая путеводная нить. К ним пришла соседка, врач поликлиники.

– А во ВТИ вы не узнавали? – спросила она, и, видя, что супруги растерянно переглядываются, разъяснила. – Это клиника с нейрохирургическим отделением... У вашего сына ведь была черепно-мозговая травма... Позвоните...

Телефона клиники соседка не знала, но окрыленные Зубовы уже не считали это препятствием. Опять розыски исправного автомата, опять справочная, и, наконец, продолжительные гудки заветного номера. Иван Васильевич то и дело вытирал платком потеющий лоб, рука с трубкой нервно подергивалась...

– Зубов?.. – переспросил далекий и спокойно-медлительный голос. – Владимир?.. Да, поступал... Вторая палата. Состояние удовлетворительное, температура...

– Скажите, а как к вам добраться?

Трубка обстоятельно объяснила. «Но сегодня нельзя. Поздно уже. Больные все спят. Приходите завтра. После обхода».

– Подождите!.. – разволновался отец. – А что с ним?

– Пока все нормально, не беспокойтесь. Завтра, пожалуйста, приходите...

Утром первым трамваем Зубовы поехали в клинику. Медперсонала не было видно, и они попросили курившего возле двери больного вызвать к ним сына.

Заспанный, в болтающейся пижаме он появился в конце коридора и зашагал к родителям, недоуменно посматривая то на их посеревшие лица, то на пустые руки.

– Поесть хоть чиво-нибудь принесли? – обиженно протянул он баском. – Всю дорогу есть хочется...

– Ты как попал-то сюда, сынок? – зацеловав лохматую голову, спросила мать.

Вовка рассказал, что позавчера, когда он шел в техникум, ему стало плохо: закружилась голова, затошнило, и он пошел в студенческую поликлинику. Оттуда его привезли в эту больницу.

– А чего ты не позвонил? Ни мне, ни к папе?..

– Мне вставать не велели. Я сестру попросил, она сказала, что сообщит... Я тоже жду. Думаю, чего не идете?..

– Негодяи! – застонал Зубов. – Какие сво...

– Не надо, Ваня, – остановила его жена. – Все уже хорошо, не надо...

Через неделю Вовку выписывают, а вчера его лечащий врач сказал: чтобы приступы не повторялись, нужно лечение закрепить. Лучше всего, вывезти сына к морю, хотя бы на месяц.

Эта проблема поставила чету Зубовых в тупик: они вдруг увидели себя как бы со стороны, и здесь оказалось, что они, два высокообразованных специалиста, отслужив на государственной службе больше пятнадцати лет, не имеют средств, чтобы вот так взять и поехать с сыном на море. При всей их непритязательности, им зарплаты хватало только от одной и до следующей, что-то отложить от нее они не могли. Да особенно и не печалились: хватает, не голодаем, и – ладно. Живем не хуже других.

Но возникшая проблема многое перевернула в голове Ивана Васильевича, и он растерялся. Он впал в состояние человека, получившего крепкий удар обухом по голове. Жена его, тоже растерянная, пробовала все-таки рассуждать:

– Возьму отпуск... Напишу заявление на помощь... Может быть, шубу продать?..

– Да ты что?! Шубу! – воскликнул Иван Васильевич, вспомнив, как эта шуба давалась, и что она значила для жены.

Он произнес с горечью: «А ведь мы – нищие!.. Современный вариант нищих людей!»

Ночь Зубов провел в тяжких раздумьях, и сегодня мрачные мысли продолжали раскалывать его воспаленную голову.

– Внимание, товарищи! – громко произнес Хиврин, опять вошедший в отдел. – А где все? – прервал он себя, увидев лишь несколько настороженных голов. – Света, быстренько собери всех!

Молодая женщина выпорхнула из комнаты, и вскоре в нее, ежась под строгим взглядом начальника, вернулись ушедшие.

– Прошу внимания! – опять повысил он голос. – Только что нас собирал у себя Кузин... Ну, новый наш зам по науке... Опять разнарядка райкома, товарищи. Сейчас – холодильники. От нас – пять человек...

Прошелестел шепоток недовольства. Направления конструкторов на работу, требующую нулевой квалификации, становились в «Авангарде» нормой. Люди с высшим образованием, нередко, с ученой степенью месяцами сортировали овощи на каких-нибудь базах, пропалывали заросшие сорняками поля, выхаживали новорожденных ягнят, грузили и разгружали вагоны... Несуразным было и то, что отправлением высококвалифицированных специалистов на черновую работу, занимался заместитель директора по научной работе, и делал он это с откровенным усердием.

Еще недавно Кузин был директором рыбного районного комбината. Там он крупно проштрафился, но, успев обрасти нужными связями, практически не пострадал: его покровители просто пересадили в другое кресло. Вакантным тогда оказалось кресло зама в «Авангарде».

Ходили слухи, что директор, убедившись в туманном представлении нового своего заместителя о сути научной и конструкторской работы, предложил ему заниматься только хозяйственными делами, на что тот сразу же согласился.

После небольшой паузы Хиврин продолжил:

– От нас – пять мужиков.

Женщины облегченно вздохнули, мужчины засопели угрюмо.

– Ну, молодежь – это само собой. – Хиврин нарочито бодро назвал фамилии трех вчерашних выпускников института. – Так... Еще Семенов пойдет: он у нас после отпуска... Ты тоже, Иван Васильевич, в списке... Я отстаивал, как умел: сын, мол, в больнице, возраст уже... Ничего не выходит... Как ты?..

– Никак! – с желчью ответил Зубов.

– Мне велели объявить коллективу и позвонить...

– Вот и звони!.. Скажи, что Зубов отказывается, что он никуда не пойдет!

В комнате стало тихо: это был вызов, такого здесь еще не случилось. Ждали реакции начальника.

Хиврин смолчал. Минут пять он сидел, копался в бумагах, потом вздохнул, хмуро посмотрел в сторону Зубова и вышел.

До обеда никто не работал, обсуждали поступившую разнарядку и свою разнесчастную, в этом плане, инженерную жизнь.

В три часа Зубова вызвал к себе зам по науке. Сообщение об этом принесла Анжелика, случайно заходившая в канцелярию.

– Держись там, не зарывайся, – шепнула она.

– Правильно ли мне сказал Хиврин, что вы не хотите на холодильник? – вкрадчиво спросил Кузин, едва Иван Васильевич появился в его кабинете. – Отказываетесь выполнять решения руководящих органов. Отказываетесь оказывать помощь трудовому народу?

– Не могу я, – глухо ответил Зубов на этот высокопарный трезвон.

– Не понял!!!

– Не могу, говорю...

– Или – не хочу?!.. Вы противопоставляете себя коллективу?..

Кузин встал и продолжил свою высокопарную речь о чувстве гражданского долга, о необходимости поступаться личными интересами во имя общественных.

– Не могу я, – упрямо повторил Зубов. – Не могу по состоянию здоровья...

– А что у вас со здоровьем? – усмехается Кузин. – По виду не скажешь, что больны...

Зубов молча пожимает плечами.

– У вас что, освобождение есть от работы?

– От физической – да!

Здесь Иван Васильевич соврал.

– Покажите...

– А почему я вам обязан показывать?! – спросил с вызовом Зубов.

– А почему я обязан вам верить?! – наседал Кузин.

– Это уж как вы хотите... Даже врачи хранят тайну болезни, а я справками буду размахивать... Я-то думал, что меня вызвали по работе. По нашей работе... По той же науке...

И в словах, и в усмешке Зубова сквозил обжигающий яд. Он высказался и на миг почувствовал облегчение. Но только на миг. Его оппонент тут же вернул ему этот укол с такой же ядовитой приправой:

– Это с вами-то – про науку?!.. В общем так: или справку на стол, или – марш вместе со всеми на холодильник!.. Без рассуждений!..

– А не пошел бы ты сам?! – вспыхнул Иван Васильевич и вышел из кабинета.

Не заходя в свой отдел, он вышел на улицу, с минуту постоял у подъезда, потом что-то пробормотал, махнул рукой и зашагал прочь.

Он шел отрешенно по городским улицам, не замечая прохожих, не видя цвета светофоров, не слыша сирен возмущенных водителей. На какой-то улице ремонтировали фасад здания, и Зубов, обходя ограждение, шагнул с тротуара и едва не попал под колеса вильнувшей в сторону «Волги».

Машина, прокатившись еще немного вперед, встала. Через правую дверцу из нее выскочил небольшой черноголовый мужчина и в возбуждении ждал медленно шагавшего Зубова. Но вдруг его сердито сведенные брови расправились. Недоумение, удивление, приветливая улыбка чередой скользнули по смуглому лицу.

– Ваню?!.. Ты ли, мой дорогой?!..

Зубов узнал своего школьного приятеля Ирбека Асланова и тоже улыбнулся. Улыбка получилась кислой, вымученной.

После школы приятели не встречались. Зубов поступил в местный технический вуз, а Ирбек уехал учиться в Москву и, по доходящим до Зубова слухам, закончил в МГУ факультет журналистики и дослужился до собственного корреспондента одной из центральных газет.

Ирбек внимательно всматривался в лицо Зубова. «Давай-ка, садись в машину!» – командовал он. И подождав, пока тот послушно пролез в заднюю дверцу, сел сам и, обернувшись назад, серьезно спросил: «Что случилось?.. Рассказывай!»

И Зубов раскис, в подробностях выложил всю свою горечь.

Ирбек слушал внимательно и задумчиво покачивал головой.

– Ты у кого работаешь? – спросил он, когда Зубов выговорился.

– В «Авангарде». В Производственно-техническом центре.

– У Сергея, что ли?.. Шандалова?..

– Там...

– Давай-ка назад! – взглянув на часы, бросил Асланов шоферу.

Минут через пять они остановились в центре большого, на весь квартал, пятиэтажного здания, подъезды которого украшали строгие вывески.

– Ты посиди пока здесь, – сказал Ирбек Зубову. – Потом мы подбросим тебя... Да, кстати, а жена твоя где?.. Работает, я имею в виду?..

– На судоремонтном. Инженером по информации.

– Она на твоей фамилии?

– Да, на моей.

Асланов захлопнул дверцу машины и вошел в здание. Зубов опустил на грудь подбородок и полузакрыв глаза. На вопрос шофера, потянувшегося к приемнику: «Не мешает?», он не ответил.

Рабочий день заканчивался. Улица стала оживленнее. Двери здания, куда ушел Асланов, непрерывно были в движении. Многих, выходящих из них, ожидали машины. Потом оживление стихло.

Асланов появился после семи.

– Ну-с, – сказал он и подмигнул Зубову. – Теперь – полный порядок! Не унывай! Обо всем, считай, что договорились!.. Жене дадут курсовку, отправишь ее с сыном лечиться. В Сочи согласен?..

– Ты это серьезно?!..

– Серьезно. Очень даже серьезно... Поехали. – Асланов хлопнул шофера по плечу.

– Ты кто же теперь?.. Волшебник?.. Сказочный принц?..

Ошеломленный этим известием Зубов, не знал, как ему реагировать. Он все еще воспринимал Ирбека, как в детстве, – приятелем. Но детство их давно уже кончилось.

– Почему обязательно принц? – засмеялся Асланов. – Помогать же надо друг другу, если возможности есть...

– Ну, знаешь!.. – Зубов никак не мог поверить в реальность. – Мне-то теперь как?.. Что надо делать?..

– А ничего, – немного по-барски ответил Ирбек. – Если надо, что будет – скажут... Куда тебя?..

– Да доберусь я. Спасибо...

– Ладно, ладно. Сиди. Говори, куда ехать...

– Вторая Литейная.

– Это где же такая?.. Ты, кажется, жил у базара?

– Да. Снесли там. Теперь – в благоустроенной, вот. Это недалеко от судоремонтного...

Машина долго петляла по ухабистым улочкам среди ветхих, кое-где по окна вросших в землю деревянных строений, и встала наконец у подъезда крупнопанельного дома, который выглядел здесь великаном. Справа, по фронту, расчищалась площадка для второго такого же великана.

– Зайдем? – предложил Зубов, стесняясь заранее убогости своего жилища.

Асланов, кажется, понял его состояние.

– Извини, Ваню! Некогда сейчас, честное слово! Следующий раз – обязательно!.. Я сам тебя разыщу... Извини...

Когда машина Асланова завернула за угол, Зубов спохватился: ведь он даже не знает, как ему связаться с Ирбеком. Он не спросил ни о том, где сейчас тот работает, ни номер его телефона. Немного успокоила фраза: «Я сам тебя разыщу».

Иван Васильевич не сказал жене ни о неприятностях на работе, ни о встрече со школьным приятелем. Радостное возбуждение, возникшее от слов Асланова, стало вытесняться сомнением: уж больно все гладко выходит.

Наутро Зубов опять почти не работал, сосредоточиться над чертежом мешали мысли о встрече с Аслановым, он анализировал эту встречу, и склонен был уже допустить возможность исполнения его обещаний. Ирбек, как говорится, при власти, подвел он итоги раздумий, а они там, наверху, многое могут. Его настроение заметно улучшилось, рука потянулась к карандашу, но тут он перехватил встревоженный взгляд Анжелики и вспомнил о другом, о разговоре с заместителем директора по научной работе.

Про его конфликт с Кузиным уже многие знали и ждали показательной расправы над человеком, посмевающим не подчиниться указаниям начальства. По-другому и быть не должно, рассуждали в коридорах любители сплетен, у руководства теперь только один вариант – репрессия. Врежут так, что другие почешутся, иначе беда: приказом, ведь, никого не пошлешь на этот же холодильник, потому что нельзя: – нарушение КЗОТа, а посылать надо – сверху велют. Что начальству в этом случае делать? Убеждать? Призывать к сознательности? Смешно! Надо же тогда объяснять, почему происходит такое: почему на базах гниют овощные завалы, почему не хватает рабочих на предприятиях, и почему в рабочее время толпы здоровенных мужчин и вполне способных трудиться физически женщин часами простаивают у винных, продовольственных и других магазинов. А чем объяснить? Головоотяпством? Других причин нет.

И, действительно, убеждения давно уже вытеснил явный нажим: ты нас сейчас не понимаешь, мы тебя тоже не пойдем в свое время, совсем оглохнем к твоим проблемам!

Люди, если не удавалось раздобыть медицинские справки, вздыхали, охали, но отправлялись туда, куда скажут. И вдруг откровенный бунт!

– Сожрут теперь Зубова, – сказал экономист планового отдела, приходивший курить к конструкторам. – Подловят на чем-нибудь, и – сожрут!

Зубов не слышал этих суждений, но понимал, что так просто его не оставят. Каждую минуту он ждал вызова: в партком ли, хотя он был беспартийным, к директору... Но его не вызывали. При мстительном характере Кузина и сложной ситуацией с направлением конструкторов на черновую работу это казалось чуть ли не чудом.

И чудеса продолжались.

Дома жена возбужденно рассказала Ивану Васильевичу, как ее пригласили в профком и предложили курсовку в Сочи.

– Можно бы, говорят, и путевку, но вы же поедите с сыном. С сыном, говорят, по курсовке удобнее: можете с ним в пансионате устроиться! Ты чувствуешь, Ваня, какая забота!.. И материальную помощь дают!..

– С какого числа? – спросил машинально Зубов.

– Кто? Что?.. Курсовка?.. С восьмого... Через десять дней надо ехать... А дел-то, дел-то еще!.. – ужасалась она, но было понятно, что предстоящие хлопоты для нее – удовольствие. – С билетами, говорят, сейчас трудно. Чем ехать-то, а?..

– Самолетом, наверно, – задумчиво ответил Иван Васильевич.

Он пока не стал раскрывать подоплеку истории с выделением курсовки.

В девять часов Зубова позвали к директору.

– Началось, – вздохнул кто-то из женщин в отделе.

Спускаясь на административный этаж, Зубов продумывал свое поведение в предстоящем разговоре с директором, которого он и уважал, и побаивался. Обострять отношение с ним не хотелось, да и глупо это – директор, он и есть директор. «Черт с ними! Соглашусь. Теперь можно!» – принял решение Зубов, и под сочувственным взглядом секретарши потянул на себя массивную дверь кабинета директора.

– Вызывали, Сергей Николаевич? – робко произнес он, остановившись у входа.

– Проходи сюда, – показал на кресло Шандалов. – Садись... Как же так получается, – спросил он после тягостной паузы, – работник мой, а о его проблемах я узнаю со стороны?..

Зубов молчал, не зная как реагировать на такое вступление, но, не заметив признаков гнева, понял, что разноса может не быть.

– Ты давно знаешь Асланова? – спросил директор, пытливо наблюдая за лицом подчиненного.

– Давно. В школе вместе учились. В одном классе.

– Понятно... Звонил он. Советует к тебе присмотреться... Но об этом попозже... Что у тебя с сыном?..

Зубов, стараясь быть кратким, рассказал о болезни Вовки и о рекомендациях врача.

– В Сочи, говоришь, надо... Да, дети должны быть здоровыми... Вот что: дадим-ка тебе командировку! Поедешь и отвезешь!..

– Какую командировку? – не понял Иван Васильевич. – В Сочи?!..

– Прямо в Сочи, пожалуй, нельзя. Нет у нас там ничего подходящего к нашему профилю. Поедешь в Ростов! – подумав, решил Шандалов. – Это почти рядом от Сочи. Дорога обойдется дешевле. Да и материальную помощь немного окажем. Как, тебе подходит такое?..

Увидев, что Зубов вконец растерялся и ничего путного сейчас он не скажет, Шандалов повернулся к селектору и велел вызвать к нему начальника конструкторского отдела.

Через пару минут запыхавшийся Хиврин был в кабинете. Он встревоженно смотрел на директора и в тоже время косился на Зубова, стараясь сориентироваться в обстановке.

– Вот что, – сказал Шандалов ему. – Появилась необходимость помочь Зубову. Готовь его в командировку. В Ростов. Дней этак на десять... Думаю, хватит.

– К кому в Ростове?.. По какому вопросу?..

– Это вы сами продумайте. Он, – директор кивнул на Зубова, – расскажет...

– Ясно, – вымолвил Хиврин.

– А если ясно, так действуйте.

Зубов, за ним начальник отдела вышли из кабинета.

– Пойдем-ка в актовый зал, – предложил Хиврин. – В отделе об этом не потолкуешь.

Зубов рассказал только о беседе с директором, и на уточняющие вопросы своего непосредственного начальника, не понимавшего такого поворота, сам довольно искренне изображал недоумение.

Деловой аспект командировки они отработали быстро.

– Когда выезжать надо?

Зубов назвал дату. С непроницаемыми лицами начальник и он по одному появились в отделе.

На другой день Хиврин вновь позвал Зубова в актовый зал.

– У меня ночью возникла идея, – заявил он. – Раз командировка липовая, то выжать из нее надо все. Я бы, например, сделал так.

И он изложил план, следуя которому Зубов не только сэкономил личные деньги, но мог и сам несколько дней провести с семьей на курорте.

– Тебе надо ехать, – втолковывал Хиврин, – поездом до Волгограда. Оттуда идут поезда и на Ростов, и на Сочи. Понял?

– Не совсем...

– Слушай сюда!.. Ты берешь билет не сразу до Сочи, а только до Волгограда. Это ничего: от нас до Сочи все равно прямого поезда нет. В Волгограде у тебя пересадка. Между поездами смотаешься вот в это КБ, – Хиврин протянул Зубову бумажку с адресом. – Там у меня дружок работает. Он тебе командировку отметит, я ему черкану.

– Зачем это?..

– Я ж тебе говорю, – загорячился Хиврин, досадуя на тупость Зубова. – Ты отмечаешь дня три-четыре будто ты в Волгограде, решаешь там что-то, а на самом деле – на поезд и – в Сочи! Загорай там, купайся. Через три дня едешь в Ростов, встречаешь поезд из Волгограда, берешь за рупь у проводника чей-то билет, можно даже СВ, и все шито-крыто! Будто ты в Сочи и не был! Заячий скок, называют охотники... И дорога дешевле, и семью через Ростов не тащить. Командировку тебе сделаем сразу в два города: Волгоград и Ростов. По обмену опытом... Только молчок, конечно, об этом.

Зубов заулыбался и согласно кивнул: теперь дошло, понял. Ему, неискушенному в махинациях, идея Хиврина показалась сверхгениальной.

Через пять дней счастливая семья катилась в уютном вагоне Волгоградского поезда, а еще через десять Зубов был снова за чертежным станком. Он выглядел отдохнувшим и свежим, лицо загорело, кожа на покрасневшем носу слегка шелушилась.

– Ну, как съездил?.. Рассказывай! – нетерпеливо спрашивал Хиврин, опять вытянув Зубова в зал их тайных сношений.

– Отлично! Все прошло, как по нотам... Немного, правда, заминки были: с билетами в Волгограде, и с этим... Друг твой в КБ уже не работает. Перевелся на тракторный.

– И как же ты?..

– Я сказал там, в приемной девчужке: езжу, вот, как толкач, снабженец. Поняла, отметила командировку. А дальше все, как по маслу!.. И жена хорошо устроилась с сыном, и сам я два дня повалялся на пляже... В общем, с меня причитается...

– Молодец – сказал Хиврин, выяснив все нюансы поездки. – Теперь впрягайся в работу. С новыми, так сказать, силами.

– Молодец! – похвалил и директор, просматривая командировочные документы, принесенные Зубовым. – Сам шайтан теперь ничего не докажет. Ловко ты с Волгоградом придумал! Как ты их там обхитрил?..

– Сказал, что по снабжению приехал.

– Молодец! – повторил директор и утвердил отчет. Потом, протягивая Зубову бумаги, лукаво спросил, – С Ирбеком Константиновичем уже встречался? Рассказывал?..

И поняв по растерянному виду Зубова, что тот даже не подумал об этом, Шандалов усмехнулся:

– Ну, ничего, ничего. Я сам ему доложу.

Зубову вдруг стало жарко. Лоб его покрылся испариной, в голове затрепыхалась паникерская мысль: «Каким же неблагодарным и мелкотравчатым я выгляжу в его представлении?». Он неловко принял утвержденные документы, неловко повернулся и, опустив глаза, поспешно вышел из кабинета.

1984 г.

Случай в кафе

Многие в нашей конторе считали, что Коля Брагин – позер. Они исходили из убеждений сомнительных в том, что облик каждого человека должен гармонировать с его притязаниями. Здесь у Брагина наблюдался полный контраст. Он был худощав, если не сказать, что худой, был ниже среднего роста, имел толстый нос на вытянутом губастом лице и оттопыренные крупные уши. За них кое-кто называл его Кроликом. Хорошими у него были только глаза. Большие, серые, ясные. Очень выразительные глаза. Одевался он скромно, только в изделия ширпотреба.

При такой незначительной внешности Коля Брагин имел бойцовский, амбициозный характер. Свое мнение он обычно высказывал первым, в твердой, категорической форме. И если оно расходилось с другим мнением, сказанным кем бы то ни было, пусть даже крупным авторитетом, пусть даже нашим начальником, он свое азартно отстаивал. Отсюда, наверно, неодобрительное – позер. Говорили, что задиристым поведением он старается прикрывать свою серую личность.

Я Колю Брагина знаю давно, и с таким утверждением я не согласен. В том, что он личность, но только не серая, мне приходилось убеждаться неоднократно.

Однажды мы с ним возвращались домой из затянувшейся командировки. Кошелек наши были пусты, поэтому на предложение Коли – зайти в кафе и подкрепиться перед отлетом, я отрицательно мотнул головой и показал ему один палец.

– Ничего, – благодушно протянул Брагин, – у меня тоже есть рубль.

Да, я говорю о тех временах, когда рубль был еще полноценной монетой, когда многие цены давались в копейках, а за полтинник можно было двоим доехать до города из любого аэропорта.

Кафе работало в быстром, удобном, казалось, для пассажиров ритме. Полная румяная женщина прямо жонглировала за прилавком буфета, так, что покупатель здесь не задерживался. Не каждый даже успевал закончить начатую фразу, как получал желаемое и, под торопящим взглядом буфетчицы, суетливо отсчитывал деньги. Потом, уже зараженный этим ритмом, он, схватив в обе руки тарелки, стаканы, отбежал к высоким круглым столам, поспешно проглатывал пищу и, позабыв отнести к месту сбора посуду, снова бежал, теперь прямо на выход.

Так же быстро начали обходиться и с нами. Выставив два стакана светло-коричневой жидкости и пару пирожных, продавщица хрипло назвала сумму и уже слушала заказ следующего.

Кофе был теплым и малосладким. Я об этом сказал Брагину, но он о чем-то крепко задумался и ответил не сразу.

– Тебе не кажется, что нас обманули?

– Имеешь в виду это? – показал я на кофе, – Разбавили?

– Не только... Ты сколько ей заплатил?

– Восемьдесят пять, а что?.. Она столько сказала. Я рубль ей дал, а она пятнашку назад сунула. Восемьдесят пять и выходит...

– А надо было – семьдесят восемь. Если это все того стоит... Считай: кофе – по семнадцать копеек, пирожное – по двадцать две. Семьдесят восемь!.. Ворюга!..

Коля сердито смотрел на буфетчицу. У него вдруг стало дергаться левое веко. Это была плохая примета. Я знал, что Коля самолюбив, что он до болезненной щепетильности не выносит обмана, в каких бы размерах и формах он не проявлялся, воспринимает обман как самое низкое, гнусное личное оскорбление.

Я к обманам относился иначе: считал, что человек, обманывая других, оскорбляет и унижает, прежде всего, себя. Однако в этот раз, признаю, я был не прав: не было и намека на то, что

женщина, продолжавшая сновать за прилавком, чувствует себя чем-то униженной. Необузданной – да! Но никак не униженной. Лицо ее было красным и хищным, а крупный торс – непомерно раздутым, и вся она напоминала гигантского насосавшегося клопа. Даже белый халат не гасил это сходство.

– Ты знаешь, я не могу, честное слово... Чтобы так нагло, – сдавленно произнес Коля и, отодвинув стакан, нетвердо пошел к прилавку.

– Секунду!.. Гражданочка!.. – звенящим голосом позвал он буфетчицу. – А Вы нас сейчас обсчитали!..

Женщина словно споткнулась о что-то и резко повернулась к Брагину. Вокруг стало тихо.

– Как это обсчитала? Чего Вы бормочите?.. Вы чего брали?..

Коля точно перечислил закупленное.

– И что же?! – вызывающе спросила женщина. – Семьдесят восемь копеек!

– Правильно. Семьдесят восемь. А Вы взяли с нас восемьдесят пять...

– Вот еще! В жизни не ошибалась!.. Чего же Вы сразу-то не сказали, а?.. Теперь чего хочешь напести можно!

– Есть свидетель, – тихо, но твердо предупредил Брагин.

Они долго смотрели друг другу в глаза и молчали. Зрелище было полно драматизма: невысокий, худой, весь взъерошенный – мой сослуживец, и нависшая над прилавком, как айсберг, громадная тетка. Воробушек восстал против кошки!

– Свидетель, – скривила наконец губы буфетчица. – За семь копеек – свидетель!.. Кого же ты за рупь приведешь?.. Пропился, скажи...

Облив Брагина ледяным презрительным взглядом, она порылась в тарелочке с мелочью и бросила ему на прилавок монетку.

Меня кинуло в жар. Брагин был прав, но все обставлялось так, будто он – изловчившийся попрошайка. Десятка два человек смотрели на него с нескрываемой неприязнью.

Брагин как бы не замечал антипатии. Он преспокойненько поднял монетку, сунул ее в карман и с гордо поднятой головой зашагал к нашему столику.

Секунд пять буфетчица недоуменно смотрела на его спину, потом крикнула:

– Молодой человек!.. Мужчина! Куда же Вы?.. Три копейки верните!..

В ее низком голосе звучала ирония, лицо язвительно улыбалось – явно готовился еще один акт унижения.

Брагин шел и не реагировал на ее выкрики.

– Мужчина! Я Вам говорю! Мужчина!..

Иронии уже не было. Появились растерянность и беспокойство, а буквально через секунду – и алчность. Женщина заметалась там, за прилавком, и начала кричать так, будто ее действительно обокрали или даже ограбили.

– Мужчина! Вы что там, оглохли?! Верните немедленно!.. Боже, да что ж это делается!..

– Колька! Ты очумел?! – горячо зашептал я. – Стыд-то какой!

– Спокойно, старик, – чуть улыбнулся мне побледневший товарищ. – Спокойно. Наблюдай. Смотри, какие это натуры...

Он с деланной невозмутимостью отхлебывал остывший напиток, но руки у него нервно подрагивали.

Я не люблю скандальных историй, не одобрял действия сослуживца, но буфетчица удивляла все больше и больше. Что ей те три копейки, да еще в такой ситуации?! Она гребет втрое с каждого, а вот, поди же! Жадность и глупость не знают границ!

Торговля, конечно же, прекратилась. Из-за прилавка неслись уже грязные, оскорбительные слова. Буфетчица, казалось, вот-вот выскочит к нам и начнет выдирать три копейки из пиджака Брагина прямо с карманом.

Народ в кафе молча и серьезно следил за происходящим, и я заметил, что в нашу сторону смотрят уже по-другому: с возрастающим интересом и вовсе без неприязни.

Как бы ни растягивал Коля время, пирожное и кофе закончились. Он вытер платком свои губы, отнес нашу посуду на мойку и, резко вдруг повернувшись, пошел со строгим лицом на буфетчицу. Та испуганно замолчала.

Коля, при общем внимании, вытащил из кармана тот самый гривенник и звонко шелкнул им по прилавку. Затем он опять слазил в карман и положил на гривенник рубль. Наш последний командировочный рубль!

– За концерт! – торжественно объявил он и двинул к буфетчице деньги.

Из кафе Брагин вышел героем. Ему даже кто-то заплодировал.

Домой мы тоже добирались достойно.

– Шеф, – сказал Николай на стоянке таксисту, – у нас с собой – ни копейки. Так получилось. Мы с тобой рассчитаемся в городе. Я отвечаю!

Шофер взглянул пылливо в глаза Брагина, согласно кивнул и включил зажигание.

1985 г.

Баня

Баня под номером шесть считается лучшей среди городских любителей «легкого пара», и не только потому, что расположена она в старом микрорайоне, население которого не избаловано удобствами ванн и душей в домах. Имелись и другие причины.

О великой популярности бани я узнал от своего соседа, дяди Миши, когда оказался с ним в одной очереди, ожидавшей молочную бочку. Было холодно, бочка что-то задерживалась, и дядя Миша скрашивал тоскливое ожидание, увлекательно импровизируя на банную тему, повод для чего дал я сам своим простудным покашливанием.

– Разок – другой сходи и будешь как новенький, – авторитетно заверил он. – Банька что надо, не хуже, чем у москвичей Сандуны... Могу составить компанию...

На пронизывающем, колючем ветру картины, создаваемые передрогшим рассказчиком, воспринимались с особым участием, дополнялись собственной фантазией, и, хотя меня вполне устраивала домашняя ванна, я охотно принял его предложение.

Уже на другой день, в воскресенье, мы бодро шагали по тихим ухабистым улочкам пережившего свой век микрорайона. Я шел молча, разглядывая ветхие, заметно осевшие деревянные домики. Дядя Миша продолжал восторгаться предстоящим мероприятием, суетился, а один раз даже вытащил из хозяйственной сумки березовый веник и любовно потряс им, будто примеряясь к чему-то.

Однако, чем ближе подходили мы к бане, тем сдержаннее становился мой спутник. Потом замолчал он совсем, и раза два я ловил на себе его какой-то озабоченный взгляд.

– Ты чего, дядя Миш?..

– Понимаешь, – помялся он, – ты там, того... Не удивляйся очень. Потерпи, если не так что, ладно?

Я не совсем понял эту тираду, но согласно кивнул и прошел в здание.

Взяв билеты, мы поднялись на второй этаж в мужское отделение. На последней ступеньке я остановился, чтобы перевести дух, глубоко вздохнул и... оторопел: это был не воздух, а какая-то адская смесь табачного дыма с водочным перегаром. Глаза мои заслезились, в горле першило. Судорожно, по-рыбы раскрывая рот, я обернулся растерянно к своему спутнику и начал пятиться. Но дядя Миша, очевидно, предвидевший это, перекрыл путь назад и начал вталкивать меня в помещение, ласково успокаивая:

– Ничего, ничего. Счас обойдется. Впервой-то завсегда так... Ничего...

И я вошел. По головам потных, покрасневшихся мужиков, путаясь в волосах, ползают облака сизого дыма. Окна закрыты. Вентиляции нет. Духота. Все почти курят. Причем закуривают, словно выполняя строгую повинность, сразу же, едва поднявшись сюда, хотя перед ними, на каждой половинке двустворчатой двери висят пожелтевшие от времени и никотина таблички с надписью: «Курить и распивать спиртные напитки запрещается!» В углу помещения группа уже вымывшихся людей дружно сдвигает стаканы: «Ну, будем!..» Укоризненно смотрит на бесцеремонных мужчин утомленная гардеробщица.

– Брось соску-то, имей же совесть, – не выдерживает она, обращаясь к излишне полному, похожему на самовар мужчине.

Бесполезно. Ни он, ни другие не реагируют. «Самовар» протягивает гардеробщице пальто, продолжая невозмутимо дымить в лицо пожилой женщине. Затем, не спеша, с выражением собственного достоинства отходит, перекатив языком сигарету из одного угла губ в другой. Неожиданно он замечает в толпе своего знакомого и раскатисто басит:

– Шамиль, привет! Уже уходишь? А что по трезвому?

– Да так, обстоятельства, – оправдывается Шамиль. – А ты затоварился?

– А как же! Святое дело, – толстяк тянет из сумки за горлышко бутылку водки. – Плеснуть малость?..

Шамиль явно борется с собой:

– Не могу, понимаешь, с сыном я здесь, внизу жена ждет.

И он кричит, пытаюсь разглядеть в дымовой завесе сына:

– Ринат! Ты где?..

– Мужики, кончай курить! – неожиданно выкрикнул стоявший рядом со мной молодой человек, но его призыв утонул в общем гаме.

Парень кинулся было за помощью к банщику, зацепив второпях пустые бутылки, не уместившиеся под его столом. Перепуганный их звоном, банщик быстро ныряет под стол, встревожено осматривает свою традиционную добычу и, успокоившись, говорит:

– Вы уж, ребята, сами там как-нибудь...

Интересно устроен все-таки человек. Одно и то же событие каждый воспринимает по-своему. На меня увиденное здесь произвело такое сильное впечатление, что всю остальную банную процедуру я выполнял как под гипнозом, послушно следуя указаниям своего бывшего соседа. Дяде Мише это же самое казалось несущественным, вроде неизбежных издержек в любом производстве. Он просто игнорировал их.

Когда мы вышли из бани, он, все еще находясь во власти приятных ощущений, румяный, улыбающийся, добродушный, довольно спросил:

– Как банька-то, а?..

Я ответил явно невпопад его настроению:

– Все, дядя Миша! Сюда, как говорится, больше я не ходок!

И стараясь не обидеть ни его, ни других настоящих любителей парной русской бани, я, в мягких насколько мог выражениях, высказал все, что думал об этом заведении.

Много лет прошло с того времени. Говорят, что теперь в этой бане все по-иному. Будто воздух в ней стал самый лечебный, а люди – сплошная культура. Обращаются друг к другу только на Вы и уступают очередь к кранам.

Слухам я больше не верю, а сходить самому – ни за что! Боюсь снова попасться впросак. Кашель же свой я лечу теперь другим способом.

1985 г.

Трамвайный разговор

Время – к вечеру. Скоро конец рабочего дня, скоро двинется к остановкам потока людей. Пока же в просторном салоне трамвая почти пусто. Пассажиры молча застыли на мягких сиденьях и безучастно смотрят в мутные окна. Каждый занят своими мыслями.

На колхозном рынке народу в трамвае прибавилось, прокатилась волна оживления, но она вскоре угасла: внимание пассажиров переключилось на двух девочек лет десяти-двенадцати, в ярких спортивных курточках, джинсах. Пробив билеты, девочки встали у кабины водителя и весело защебетали о своих школьных проблемах. Затем, видимо, поддавшись общему унынию, смолкли. Одна достала из ранца газетный кулек с семечками, и обе занялись этим сомнительным лакомством, шелуху сплевывали на пол. Ветер, врываясь на остановках в раскрытые двери, подхватывал ее и гонял по вагону.

– Аккуратней, пожалуйста! – брезгливо сморщилась пожилая женщина на первом сидении и стряхнула с коленей кожуру.

Девочка, стоявшая рядом, повернулась к говорившей спиной и продолжала свое занятие.

– Не только аккуратней, а совсем прекратить надо! Безобразия настоящее! – резко сказал тоже не молодой мужчина, давно сверливший сердитыми глазами лица невоспитанных школьниц. – Это же трамвай, а не улица! Общественное место! За это высадить следует!

Девочки испуганно переглянулись, и кулек куда-то исчез. С минуту ехали молча.

– И чего набросился на детишек?! – с вызовом, будто закипая, вдруг спрашивает женщина в большом мохнатом платке. – Чо они такого делают? Не домой к тебе, чать, пришли! Иль тебе больше всех надо?!.. Себе-то под ноги глянь: какую кучу налузгал!..

– Да вы что?! – задохнулся от возмущения мужчина, непроизвольно заглядывая под скамейку. Там, действительно была куча подсолнечной шелухи. – Да это я что ли?!.. Да как вы...

– А кто же? Ты там сидишь, – ехидно перебила его мохнатая шаль, и тут же миролюбиво добавила, – Ну, ладно, ладно. Охолонь. Не ты, так не ты... Если и ты – не беда: все счас грызут...

– Вот и плохо, – говорит женщина с первого сидения, – превратили трамвай в мусорник.

– Что поделать? – вздыхает другая. – В привычку вошло: как в трамвай, так за семечки. Раньше хоть таблички висели: курить, мол, и сорить нельзя. А теперь?.. И их снимали, и этот молчит, – она показала рукой на кабину водителя. – Даже названия остановок не объявляет.

– Так сняли-то почему? – пытается разьяснить кто-то сзади. – Стыдно, наверно, о таких вещах писать. Культурнее, небось, стали.

Девочки внимательно слушали спорящих. Симпатии их были, конечно, на стороне заступившейся за них женщины. Возмущения сердитого дяди они просто не понимали. Грызть семечки в трамвае они, конечно, больше не будут, но почему этого делать нельзя, им пока не совсем ясно. Тетя-то вон как за них раскричалась...

Спор, между тем, угасал. Уже вышли женщины с первых сидений. Через остановку поднялся и пошел к выходу мужчина, так больше и не вступивший в разговор. Дождался, когда откроется дверь, и молча сошел с трамвая. Когда вышла женщина в мохнатом платке, и где вышли девочки, никто не обратил внимания. В трамвае уже были новые пассажиры.

1986 г.

Лекция с иллюстрацией

С выходом на пенсию Казимир Матвеевич Керамзитов неожиданно увлекся изучением медицины. «Не потому, что не доверяю врачам, – объяснял он знакомым, – нет, а чтобы реже с ними встречаться. Для профилактики, так сказать, возраста».

Самокритично установив, что для научной литературы его знаний явно не хватает, он ограничился популярными источниками, добросовестно выполняя их разнообразные советы и рекомендации.

Прочитав на двери подъезда объявление о лекции с медицинским уклоном, которую наметил провести ЖЭК «согласно плану работы с населением по месту жительства», Казимир Матвеевич пришел на агитплощадку микрорайона первым. Помог установить стол, сходил с графином за кипяченой водой и, чтобы ускорить начало, привел из ближайшего сквера группу кряхтящих «козлятников».

Работница ЖЭКа, ответственная за мероприятие, возвещая его открытие, постучала стаканом о графин и представила лектора.

Средних лет, модно одетая женщина сразу же овладела вниманием собравшихся.

– В наш век, век бурного развития техники, – ровным, приятным голосом говорила она, прохаживаясь перед слушателями, – человечество, пользуясь плодами цивилизации, вместе с тем ощущает неудобства от ряда сопутствующих техническому прогрессу нежелательных, а подчас и вредных факторов.

Перечислив и кратко охарактеризовав каждый из этих факторов, лектор подробнее остановилась на шуме как «широко распространенном, но далеко не безобидном явлении». На впечатляющих примерах она показала, как реагирует живой организм на повышенный уровень шума. Даже цветы погибают, говорила она, если их поместить в слишком шумное место. Особенно разрушительно действует шум на нервную систему человека.

Она напомнила слушателям о запрете на звуковые сигналы, когда-то издаваемые предприятиями и транспортом, о введении государственных норм на допустимый уровень шума на производстве. Такие сложные понятия, как акустическое сопротивление, звуковое давление, децибелы, необходимые для глубокого раскрытия темы, лектор объясняла очень доходчиво. Ее слушали внимательно, с интересом. То, о чем говорила она, касалось всех присутствующих.

– Вот мы с вами сейчас находимся в уютном уголке, огороженном жилыми зданиями, кронами деревьев, – голос лектора зазвучал с легкой патетикой. – Шум оживленной магистрали, расположенной неподалеку здесь совершенно не слышен. Изменение планировки городских кварталов обходится очень недешево, но нет ничего ценнее здоровья человека, и здесь уже не приходится считаться ни с какими затратами.

Поблагодарив слушателей за внимание и переждав довольно дружные аплодисменты, лектор, взглянув на часы, спросила: будут ли вопросы.

– Можно мне? – поднялся Керамзитов. – Вот вы говорите о каких-то затратах. Дескать, большие они. А зачем мне о них, если в нашем подъезде один только Вовка такой шум устраивает, хоть убегай куда-нибудь. Как заведет с утра свою музыку, так и до вечера. На всю ее громкость.

– Хорошо, хорошо, товарищ, все ясно, – остановила его лектор. – Действительно, факты, о которых вы говорите, еще встречаются в нашей жизни. Но согласитесь, что вы неправомочно упрощаете проблему, сводя ее к поведению, извините, какого-то Вовки.

– Ничего я не упрощаю, – стоял на своем Керамзитов. – Все цифры сразу выметаются из головы, когда Вовка заводит свою музыку. Для меня это самая главная болячка. Если мы говорим про здоровье. Главнее нет.

На скамейках одобрительно зашумели.

– Товарищи, – забеспокоилась лектор, – я вынуждена повториться. Мы с вами рассмотрели наиболее важные, основные аспекты решения проблемы. Несомненно, будет решен и этот, поднимаемый вами вопрос. Но пока нужно находить какие-то другие пути. Договариваться как-то. По-хорошему, по-соседски.

Оживление на скамейках усилилось. Кое-кто рассмеялся.

– По-соседски! – саркастически повторил Керамзитов. – Не могут они по-соседски. Приходил я к ним, просил: бабушка, говорю, приболела. Говорю, сделай потише. Так он: до одиннадцати ночи, говорит, имею полное право... У подъезда «скорая помощь» стоит, а из окна буги-муги наяривают...

Лектор достает из кармана платочек и аккуратно им промокает лицо. Она чувствует, что ее настойчиво втягивают в малоприятную дискуссию, и обращается к представителю ЖЭКа: «Может быть, вы объясните гражданину?.. Вообще-то, вопрос больше относится к вам...» Но та, растерявшись от такого поворота, медленно встает и молчит. Выручить могло только чудо. И оно свершилось: невдалеке взревели моторы мопедов, и какие-то юнцы устроили гонки вокруг агитплощадки.

Работник домоуправления облегченно вздохнула и широко развела руками, а слушатели стали поспешно расходиться по домам.

1990 г.

Небывалое происшествие

В просторной приемной Очень Большого Начальника неумолчно звонит телефон. Звонит он давно и уже хрипит от натуги, но хозяйку приемной, молодую длинноногую секретаршу, это, похоже, совсем не волнует. Телефон был простой, обычной городской связи, доступный любому и каждому. Неуважительно посматривая на трезвонящий аппарат, она продолжает чинно беседовать с посетившей ее подругой. Разговору никто не мешал. Очень Большой Начальник недавно уехал, и сразу опустели все кабинеты – у всех оказались срочные дела вне помещения. А телефон все звонит. Холеная рука секретарши время от времени поднимает трубку и тут же опускает ее на место, дабы назойливый чудик на другом конце провода, наконец, понял, что общаться с ним здесь не желают.

Но вдруг нежная ручка в испуге зависла над рычагами – из трубки рокотали знакомые звуки.

– Где вы там, черт вас дери прячетесь?! – загремел в ухо сердитый голос Очень Большого Начальника. – Последнюю двушку в автомат сунул! Пришли мне другую машину – мой ротозей влетел в незакрытый колодец!

Начальник назвал улицу, где он застрял, и гнев его стал понятен догадливой секретарше – он был в нехорошем, самом ужасном месте, месте, хуже всяких трущоб, месте, которое было позором даже для такого, известного своей грязью города. Называя шоферу адрес, секретарша безглаголиво поморщилась.

– Поехал на встречу с народом. Опять скоро выборы, – пояснила она подруге.

Улица, где провалилась машина, была неподалеку от центра, и в приемной еще не закончилось аханье, когда вепрем в нее ворвался Начальник. Оставив грязный след на красной дорожке, он проскочил в кабинет и скомандовал по селектору:

– Коммунальщики всех ко мне! И дорожников! Живо!

Собравшись по срочному, люди хмуρο толпились в приемной, предчувствуя крупные неприятности. Старший из них, пошептавшись доверительно с секретаршей, сокрушенно качал головой.

– Идемте, что ли, – произнес он обреченно, когда подошли все, кто был вызван.

В кабинете их встретил начальственно-львиный рык. Хотя это и был элемент устаревшего метода руководства, осужденного всеми, в данном случае он все-таки был оправдан: предстояло вдолбить в задубевшие головы подчиненных важную мысль о том, что негоже работать им так, когда даже Большие Начальники начали падать в открытые ямы, как таежные звери.

Видимо, это давалось с трудом, так как даже через двойные, звукогасящие двери уже больше часа слышалось что-то, похожее на стук сваебойного молота. Разъяренный Начальник вымещал свою злобу за парализующий ужас, который охватил его там, на заброшенной улице, когда незнакомые люди кучкой пошли к его черной машине с непонятными ему целями. Но он не хотел, чтобы эта причина его состояния была распознана или заподозрена кем-то. И он кричал, что он выше всех частных случаев, кто бы не становился их жертвой, что он видит в них, как в той капле океанской воды, всю мерзость и муть, имевшие место быть в масштабах данного города.

На головы вызванных падали емкие слова:

– О людях забыли! О тех, кто вас кормит! Не город у вас, а свиношник! Только центральную улицу лижете!

Закончил же он таким аккордом упреков и наставлений, что, казалось, назавтра весь город преобразуется, будет и мыться, и чиститься. На улицы выйдут колонны опрятных рабочих и с хорошими песнями будут прокладывать трубы, заделывать течи, закрывать открытые

люки. За ними поедут самосвалы... Все, даже самые дальние переулки будут покрываться асфальтом.

Разрядившись, Очень Большой Начальник почувствовал облегчение. Он побарабанил пальцами по столу, осмыслил критически свою речь и нашел, что было все правильно. Резковато немного, но правильно. Вопрос был поставлен масштабно, выводы значимы. Контроль за делами он оставил себе. Кажется, все предусмотрено.

Однако, в его подчинении служили очень тонкие люди. Они грамотно прочитали тот случай и дружно обругали шофера.

– Подобное не должно повториться! – погрозил ему кулаком Заместитель Начальника.

Через месяц Очень Большому Начальнику, на новой машине, с новым шофером, опять пришлось пересечь злополучную улицу. Все здесь осталось по-старому. С прощальным укором смотрели на мир уходящие в землю домишки. И здесь, на дороге, зиял чернотой все тот же открытый колодец.

Очень Большой Начальник рассерженно свел свои брови. Очень сильные чувства опять шевельнулись в его благородной груди, но... осторожный водитель притормозил и аккуратно объехал коварную яму. Морщинки на суровом лице постепенно разгладились, и вскоре оно обрело свое прежнее снулое выражение, с каким все Большие Начальники едут обычно по городу.

1991 г.

Глухарка

Высокий бетонный дом перекрыл, наконец, лучи разъяренного солнца, проклюнулась тень, и во двор из душных, пропеченных донельзя квартир начали выползать их изнуренные жарой обитатели. Двор был небольшой, неухоженный, неказистый, зажатый со всех сторон большими домами-коробками, но для многих жильцов только он был доступным местом для отдыха. Ребятишки загомонили возле останков песочницы, взрослые, занимая приподъездные лавочки, включились в вязкие разговоры о тяготах жизни, бешеных ценах, просчетах политиков. Появилась и домашняя живность. Собаки, недобро косясь на презрительно фыркавших кошек, тянули свои поводки в побуревшим стеблям кустарника, поливавшимся только дождем.

Тень потихонечку разрасталась, и двор становился все оживленнее и многолюдней. Казалось, он зажил привычной для этого времени жизнью.

Но вот разом все стихло. Тонкие детские шейки вытянулись к проулку между домами, туда же направились тревожные взгляды взрослых. А из проулка неспешным, с развальцею шагом выходила рослая девушка в короткой юбчонке и со спортивной сумкой через плечо. Спокойная, крепкая, горделивая, она словно плыла к одному из подъездов, а лавочка возле него с каждым шагом ее явственно цепенела. Окинув застывших на ней обывателей презрительным взглядом, ни с кем не здороваясь, девушка плавно втянулась в подъезд.

– Все! – вздохнула женщина в белой косынке. – И отдохнули, и погутарили. Пора разбежаться – явилась мучительша.

– Да, – поддержала ее соседка по лавочке, – пришло наше лишенько...

Еще несколько женских голов закачались в печальном согласии.

– Почему вы так говорите?.. Что происходит? – удивилась одна, как видно, нездешняя.

Ответом ей был дикий, раскатистый рев какого-то необузданного оркестра, усиленный сверхмощным динамиком, рванувшийся из квартиры третьего этажа и заполнивший собой все пространство.

– Батюшки! – ахнула женщина и пригнулась, схватившись за голову.

Этот музыкальный обвал ошарашил не только людей. Собаки и кошки, задрав хвосты, ринулись в разные стороны, с куста, с торчавшими дыбом перьями, сорвалась воробьиная стайка, и, отчаянно вереща, сразу метнулась за угол.

Людям убежать было некуда, разве только обратно в квартиры, сидеть в них с закрытыми окнами, но и там не спасешься – ничто не удержит такого ужасного натиска. Повскакав с лавочек, они в полный голос поносили тех, кто по их убеждению, повинен в таких беспорядках. Конечно же, власти.

– Отдали город на растерзание придуркам, а сам укрылись на улицах, на которые даже машин не пускают...

– Это же надоть! – почти кричит женщина в белой косынке. – Никому нет до этого дела! Одна негодница всех изводит! Ни в выходные тебе, ни вечерами житья не дает! Бум, бум! Бум, бум! Как обухом по башке, который уж месяц!

– Вы бы в ЖЭУ ходили, – советует ей нездешняя. – Они должны наводить порядок...

– И-и-и, – замахали несколько рук. – Ходили. Куда там! Ничего, говорят, сделать не можем... Нет, значит, такого закона, чтобы людям помочь... И в милиции были, и в исполкоме – везде тоже самое. Решайте, говорят, сами, как можете. Договаривайтесь... С этой договоришься... Как мать на дежурстве, она вытворяет, что хочет... Да и мать для нее – так, пустое место... Договоришься с ней...

– А пробовали?.. Может, просто тупая она? До самой не доходит?.. Ей разъяснить надо.

– Все-то она понимает! У меня муж с воспалением легких лежал, – говорит кто-то. – Ходила к ней, умоляла, просила – потише. Плохо, говорю ей, больному – скорую вызвали. А мне, отвечает, так ндравится. Я, говорит, не виноватая, если стенки такие.

– И не убавила?!

– Нет. Так и ревел во всю мочь. Упросила врачей, чтобы мужа в больницу забрали...

– Да-а, – протянула озадаченно женщина. – Удивительная девица! Без сострадания. Даже к соседям глухая.

– Сама ты глухая! – раздался с третьего этажа возмущенный визгливый голос.

Растрепанная голова с потекшей от пота краской высунулась из окна наружу. Как она сквозь такой шум могла что-то услышать – непостижимо!

– Знамо, глухая! – повторила настойчиво женщина. – Как глухарь. Слышишь только себя!

Реакция, с которой девица воспринимала эти слова, была замечена, и уязвившее ее слово было подхвачено разными голосами:

– Глухарь! Глухая! Глухарка!

Похоже, эта кличка к девице пристанет надолго и прочно. В бессильной ярости ее голова заметалась в окне. «Ах, так вы!» – взвизгнула вдруг она и скрылась в глубине комнаты. Музыка понялась до такой высоты, что стекла задребезжали, и... оборвалась. Наступила жуткая, обморочная тишина.

– Неужто одумалась? – предположил кто-то. – Совесть проснулась?..

– Там нечему просыпаться... Техника глотку надорвала... Сейчас помчит за монтерами...

– Не уж, дудки теперь! – распрявился на костылях старожил дома Степаныч. – Ни один монтер к ней сюда не проникнет! Дудки! Насмерть перед ним встану!

Степаныч – инвалид войны, без ноги. У него вконец расшатаны нервы, и музыкальные развлечения долговязой тупицы для него были хуже, чем пытка. Высокий, костлявый, безногий, он был совершенно не страшен. Но глаза его сверкали отвагой, и люди на него смотрели серьезно, с надеждой.

– Помоги тебе, Господи, – шепчет женщина в белой косынке и крестит издали ветхого инвалида.

1991г.

Метаморфоза

Говорят, что чудес не бывает. Это неверно. Я сам оказался свидетелем потрясающего перерождения одного знакомого мне человека, которое без вмешательства чудодейственной силы произойти, как мне кажется, не могло.

Как-то осенью, помню – в субботу, ко мне звонит Вячеслав, мой приятель со школы, и кричит напористо в трубку:

– Андрюха, привет! Давай собирайся! Идем на встречу с кандидатом в депутаты городского совета! Начало через двадцать минут!

Я недоуменно молчал: с чего вдруг возникла такая потребность? Ни я, ни, тем более, он никогда не обнаруживали у себя желания участвовать в подобных мероприятиях. Мы и на выборы-то ходили от случая к случаю, лишь тогда, если в этот день изнывали от скуки.

Я размышлял, а Вячеслав продолжал напирать:

– Собирайся! Ты знаешь, с кем эта встреча?.. Помнишь Веньку – заику?!.. Это он намылился в депутатское кресло! Представляешь, какую сейчас мы хохму увидим!.. Он двух слов сам себе не может внятно сказать, а тут собирается держать речь перед публикой!

Веньку Федотова я помнил отлично. Мы с ним даже немного дружили. Это был долговязый сутулистый парень с лобастым и прыщавым лицом. Он был очень неглуп. По письменным школьным работам получал, большей частью, отлично, а вот при устных ответах у него всегда что-то клинило: он заикался, просто давился словами, за что и получил такое нелицеприятное прозвище. Пытаясь высказать свои мысли, он напрягался, сжимал добела кулаки, лицо его становилось багровым, он старался помочь себе жестами, но все равно издавал лишь мычание и меканье. Смотреть на него в это время было мучением. И хотя все это было давно, понятия – он и трибуна могли сочетаться разве что только в пародиях да анекдотах.

– Ты ничего не напутал? – спросил я с сомнением трубку. – Это точно Федотов?..

– Да он, он! Я сам читал объявление! Выходи, я жду тебя у подъезда!

Встреча была организована в школе, в той самой, в которой мы когда-то учились. Актовый зал, когда мы вошли, был почти полон. Мелькнула нелепая мысль: неужели все пришли, как и мы, посмотреть на косноязычного кандидата? Но, скорее всего, причина другая – у людей появилась возможность донести свои чаяния до человека, который вызвался стать их рупором в сферах, где народ очень часто не слышат.

Нам достались места в дальнем от сцены углу, возле пожарного выхода. Увидев Федотова, мы с Вячеславом озадаченно переглянулись: в зал вошел совершенно другой человек! Нет, это точно был Венька, но как же он изменился! И внешне – стройный, подвижный, раскованный. Он был в сером элегантном костюме, при галстукке, и это подчеркивало его представительность, но главное – его речь! Голос его был звучным, приятным, с хорошо отработанной дикцией. Говорил он неторопливо, спокойно, уверенно. Скажи, что он был когда-то непревзойденным заикой, никто не поверит.

Федотов начал с рассказа о своей депутатской программе. Программа эта, по сути, мало чем отличалась от других депутатских программ, прожужжавших обывателям уши: все те же обещания улучшить, обеспечить, усилить борьбу, но то, как он ее излагал, впечатляло. Он говорил без бумажки, доходчиво, внятно, чутко реагировал на реплики зала, охотно вступал в диалог, остроумно шутил, возмущался вместе со всеми ростом цен и тарифов. Он говорил людям то, что они хотели услышать, и так, чтобы было понятно, что он вместе с ними, что он на стороне обездоленных.

Полное расположение зала к себе он вызвал ответом на чей-то вопрос об его отношении к переходу на стопроцентную оплату услуг ЖКХ. Мне этот ответ тоже понравился.

– Я считаю, что этот переход давно уже совершен, – сказал убежденно Федотов и взял с трибуны какой-то листок. – Вот, сами судите... У меня в руке сравнительная таблица тарифов: то, что было год и два года назад. Два года назад мы уже возмещали семьдесят процентов затрат ЖКХ. К концу прошлого года тарифы увеличились вдвое, а за отопление и горячую воду – и того больше: аж, на триста процентов! То есть, с нас берут уже больше того, что задумано! О каком же переходе к еще одной стопроцентной оплате может идти сейчас речь?!

Выдержав паузу, Федотов продолжил:

– Я намерен бороться за то, чтобы закон ограничивал стоимость жилищных услуг десятью процентами от общего дохода семьи! Так будет справедливо: основная нагрузка переместится на лиц, имеющих сверхбольшие доходы, а это – вы сами понимаете, кто. И для властей такой подход будет понятным сигналом: хотите получать с населения большие суммы, дайте возможность иметь ему большие доходы!

В зале послышались аплодисменты.

– Сразу видно – наш человек! – громко сказал мужичок, сидевший через ряд перед нами. – Он и беды народные знает, и ему можно верить.

По оживлению в зале можно было понять, что такое же мнение сложилось у многих, и я подумал, что победа нашего Веньки на выборах очень даже возможна.

И он был избран.

В городском совете он был на виду, не затерялся среди других депутатов, его часто показывали по местному телевидению. Он сдержал свое слово в отношении борьбы с ростом коммунальных тарифов, подвергал критике коммунальную реформу в целом, заостряя внимание на том, что государство, уже получив с населения деньги на ремонт жилья, теперь старается спихнуть с себя всю ответственность за его состояние.

Но не верность Федотова своим обещаниям, не широта его кругозора, а обретенный им ораторский дар – вот что занимало по-прежнему мою и Вячеслава головы. Как он сумел побороть свой дефект? Может он так же, как Демосфен, тоже набивал свой рот мелкими камешками и усердно отработывал дикцию?

Ломая головы над этой загадкой, мы с Вячеславом договорились выведать ответ на нее у самого хранителя волнующей тайны, у Федотова. Считали, что он должен нам все искренне рассказать – не зря же мы с ним столько лет вместе учились... И мы записались к нему на прием.

Вениамин встретил нас дружески. Он вышел из-за стола на середину своего просторного кабинета, распротер для объятия руки, обнял, похлопал каждого из нас по спине, говоря: «Очень рад! Как давно мы не виделись...» Потом показал на два стула, стоявших перед столом: «Присаживайтесь...», а сам вернулся в массивное кресло.

Начало разговора как-то не клеилось: дежурные фразы о здоровье, о полузабытых знакомых, о здоровье родителей. Но когда он узнал, зачем мы на самом деле явились, душевно заулыбался.

– Мне, друзья мои, неслыханно повезло, – сказал он доверительным тоном. – Судьба свела меня с удивительным человеком! Фамилии его называть я не буду – ему может не понравиться такая реклама, скажу только, что он – известный и уважаемый в нашем городе человек. Назовем его – Игорь Иванович... Он сразу понял, в чем суть моих злоключений и научил меня, как их мне самому победить.

– И как же?! – воскликнули Вячеслав и я в один голос.

Дело в том, что и мы с ним не могли похвастать свободой в общении. Стеснительность, скованность были знакомы и нам, конечно, не в такой мере, как у Федотова, но при ответственных разговорах самые нужные слова куда-то вдруг пропадали.

– Так вот, – продолжил Вениамин, не отвечая прямо на наш нетерпеливый вопрос, – этот Игорь Иванович и раскрыл мне глаза на меня самого, на то, что я собой представляю. А представлял я тогда – клубок трясущихся нервов, мнительность, неуверенность в себе. И все это – в убийственных дозах!.. Я помню, как перед каждым экзаменом в школе я выпивал пузырек валерьянки. Так же было и в институте. И на работе я старался не быть на виду. На собраниях не выступал, стеснялся косноязычия, хотя часто имел, что сказать.

Я с нетерпением ерзал на стуле: это все мы уже знаем, ты говори, как удалось с этим справиться! Говори главное, не томи! Может, и нам удастся кое-чего позаимствовать!..

Но Федотов опять ушел в предысторию:

– О том, что Игорь Иванович человек мудрый и добропорядочный, я давно уже слышал от многих. Представлялся мне идеалом, сверхсовершенством, и когда нас познакомили, я оробел, смотрел на него, как карлик на великана. Он меня о чем-то спросил, а я, как обычно, запутался в своих мыслях, словах. Готов был провалиться сквозь землю. А он сделал вид, что ничего не заметил. Потом было еще несколько встреч, он на них был приветлив со мной, но я все не мог побороть свою робость, и однажды по этой причине совершил препозорнейший ляпсус: прощаясь, я не подал ему руку! Нас было трое: Игорь Иванович, я и один наш общий знакомый. Первым уходил я. Я протянул руку этому знакомому мужичку, а Игорю Ивановичу – нет! Я не посмел протянуть ее первым: для меня он оставался кумиром!.. А тут еще некстати вспомнилась этика, согласно которой руку подает первой женщина или человек старший по возрасту или положению в обществе. В моей голове все это как-то смешалось, и я торопливо ушел. А когда оказался на улице, вдруг осознал, что совершил почти роковую ошибку: все ведь можно было понять по-другому, проще и неприглядней: при расставании человек подает собеседникам руку, всем протянул, а одному – нет! Что может быть для того оскорбительней?!.. Когда я представил себе такую интерпретацию своего поведения, меня охватил панический ужас: чего же я натворил!.. И главное, ничего невозможно исправить! Не побежишь же назад, чтобы протянуть ему руку, или чтобы сказать, что поступил я так не намеренно, а в силу своей дурацкой натуры... Долго я ходил потом, как помешанный, все мои мысли были только о том, как объясниться, как хоть чуточку восстановить себя в глазах уважаемого мной человека, но ничего подходящего на ум мне не приходило.

Оплошность Федотова была нам понятной, она вызывала сочувствие, но рассказ о ней не раскрывал загадку его исцеления. Он, скорее, уводил в сторону: разве мог человек, которого он так подкузьмил, сделать после такого для него хоть что-то полезное?!.. Оказалось, что сделал.

– К моему огромному счастью, – продолжил Вениамин, – Игорь Иванович оказался мудрее даже того, чем я о нем думал. Он сам меня разыскал, назначил мне встречу. «Ты куда-то пропал. Почему не заходишь?» – спросил он приветливо, как будто мы с ним расстались по-дружески, и ничего не нормального я тогда не выкидывал. – Я честно признался, что чувствую себя перед ним, как нашкодивший школьник, сказал, что я законченный неврастеник, что застенчивость – моя визитная карточка, сказал, что понимаю, что веду себя иногда очень странно, но не знаю, как взять себя в руки... Все это, как вы понимаете, я высказывал со всеми нюансами моего тогдашнего ораторского искусства.

– Не бери близко к сердцу, – сказал Игорь Иванович и хорошо улыбнулся. – Я все вижу и все понимаю. От напасти твоей вполне можно избавиться, и я научу тебя, как это сделать.

Вениамин посмотрел на нас изучающее и, кажется, понял, что уши у нас наострились. Затем он взял из стакана трехцветную ручку и придвинул к себе планшетку с бумагами.

– То, что Игорь Иванович мне рассказал, лучше представить графически, – произнес он, подумав, и начертил на верхнем листке окружность диаметром сантиметров пятнадцать.

Чтобы мне хорошо было видно, я вытянул шею, а Вячеслав, он был ростом пониже, поднялся со стула. Окружность была почти идеальной, ее линия – синей.

– Вообразите себе, что это вот все – человек, – пояснил Вениамин и обвел пожирнее окружность. – Скажем, каждый из нас. Здесь все наши радости, наши заботы, болячки — весь комплекс наших физических и духовных особенностей.

Затем он провел горизонтальный диаметр и показал авторучкой на нижнюю часть.

– Здесь, условно говоря, все то, что мы представляем собой с физической стороны – наше тело, голова, руки, ноги и все наши внутренности. А верхняя часть – это духовная область. Здесь все наши чувства, мечты, желания и все такое подобное...

Вениамин опять взглянул пытливо в наши глаза: доходит ли? Потом он восстановил из середины диаметра перпендикуляр, верхняя часть разделилась на два одинаковых сектора.

– В правую часть давайте поместим то, что нас вдохновляет, побуждает нас к действиям, продвигает по жизни вперед: мечты, желания, планы, положительные эмоции. Поставим знак плюс... А в левую часть – все, что у нас негативное: лень, сомнения, страхи, неуверенность в своих силах... Ставим знак минус. Это не значит, что эта часть лишняя в человеке, все, что находится здесь, тоже необходимо, но в разумных пределах... Для нас, в связи с вашим вопросом, интересен сейчас отрицательный сектор.

Вениамин расчленил его на несколько узеньких лоскутков, наделяя каждый характерным названием:

– Это, допустим, апатия. Здесь – неуверенность в своих силах, способностях. Здесь – мнительность, ну, и так далее... В идеале, у человека все должно быть уравновешено: у каждой отрицательной черточки должен быть равный по мощности антипод в положительном секторе, и наоборот, у каждой, допустим, мечты – свой ограничительный фактор. Но кто из нас идеален?!.. О человеке можно судить только по степени заметного у него того или иного отклонения от нормы. Игорь Иванович и указал мне тогда на этот очень важный момент.

– Вся беда твоя в том, – растолковывал он, – что ряд элементов твоей психики, а именно – мнительность, склонность к сомнениям, неуверенность в своих силах слились в один отрицательный блок и стали подавлять своей мощью другие, разобщенные элементы. А со временем, они так развились, что стали представлять собой всю твою сущность, все твое Я!.. У тебя есть, – говорил он, – много положительных качеств, но ты им не даешь проявиться, хотя именно их и должен ты демонстрировать в первую очередь.

– Не могу! – развел я руками.

– Следовало давно научиться! – упрекнул он меня и начал учить. – Давай представим себе дирижера оркестра. Каждый оркестрант вступает в игру только по его указанию. Каждый ведет свою партию, но проявляет себя только по сигналу руководителя. А в целом получается гармония звуков!.. Человек тоже должен быть дирижером всех своих составляющих! Тело человека от него неотъемлемо, но тело не есть человек! Кроме тела, есть еще целая область психической сущности. (При этих словах Вениамин ручкой постучал по верхней части окружности). Только весь этот комплекс и есть человек, все его Я, но каждый из них по отдельности не являются его Я, они – только частица! И в понимании этого – весь ключ к дирижерству!.. Надо мысленно выделить, отделить свое Я из набора его составляющих, возвысить его над ними, назначить его дирижером!

Вениамин в центре первой окружности нарисовал еще одну, поменьше, и заштриховал ее красной пастой.

– Вот это и есть дирижер, – прокомментировал он. – Центр управления!.. Я схватил тогда самое главное: понял, как надо управлять своими эмоциями! Я назначил в себе командира над всеми своими составными частями – над телом и над душой! Все эмоции рассредоточил

по полочкам, и ни одна из них без разрешения этого командира, то есть, в целом – меня, уже не проявит себя! Чуть какая-нибудь начинает капризничать, выставялть себя напоказ, я ей тут же команду: встать в строй, подравняться! И представляете – все подчиняются!

Вениамин широко улыбнулся и самодовольно сказал:

– А стоило мне убедиться, что становлюсь полновластным хозяином положения, появилась такая жажда общения с другими людьми, такое желание залезть в самую гущу общественной жизни, что я отдался этому весь, без остатка! И я уже не помню момента, когда перестал заикаться... Вот так-то, друзья...

Когда мы простились и вышли на улицу, Вячеслав скептически произнес:

– Ты веришь, что все так и было?.. Мне кажется, что он нам сказку рассказывал...

– А чем ты тогда объяснишь, что он стал другим человеком?.. Верь, не верь, а от этого факта никуда не уйдешь...

– Да, это какое-то чудо...

Мы надолго задумались...

Сейчас Федотов в Москве, в аппарате Государственной Думы, и как знать, возможно, это не последний рубеж в его необыкновенной судьбе и карьере, возможно, ему опять посчастливится, и он встретит еще какое-то чудо в виде мудрого человека. Нам с Вячеславом в этом плане никак не везет: нам попадаютя только одни, как и мы, неудачники.

2000 г

Достояние бедняка

Осень в этом году как будто забастовала – уже к финишу мчится октябрь, а на дворе настоящее лето: солнечно и тепло. В такую погоду хорошо быть за городом, бродить с кузовком по золоченому лесу или сидеть расслабленно с удочкой на берегу полусонной речушки.

У Сергея Гречухина таких возможностей нет, их с потрохами съедает работа, работа по черному найму на частника при центральном городском рынке. Здесь все замешено на деньгах – и время, и отношения, и помыслы, и поступки, все спрессовалось в липкий ослизлый комок, в середине которого – деньги. Но деньги зачастую только маячили призрачно, как миражи, не воплощаясь в реальность. Подобно прыщам, возникали какие-то новые обстоятельства, что-то вдруг оказывалось непродуманным, недосказанным, недопонятым. Приходилось что-то доделывать, отстаивать, исправлять, и все второпях, все на нервах, какой уж тут отдых!..

А на днях на Сергея свалилась совсем уж нелепая неприятность, дурацкая, по его оценке, болезнь: у него воспалился коленный сустав. Казалось бы, чепуха, а нога отказала, без болей невозможно стало ей даже пошевелить, не то, чтобы выйти из дома. И теперь все прелести загулявшего бабьего лета он может созерцать только с балкона, со второго этажа многоквартирного дома, стоящего в шеренге таких же стандартных одноликих домов на городской окраинной улице.

Оставаясь в квартире один, – сын уходил утром в школу, а жена на работу, – Сергей потихоньку ковылял на балкон, опускался в потертое кресло и, чтобы не поддаваться влиянию скорбных эмоций, усилием воли направлял свое внимание на то, что происходило на улице. С балкона он хорошо видел лица прохожих, слышал, что они говорят, оставаясь для них невидимым, и это хоть как-то его развлекало, он уходил на какое-то время от назойливых болей и от подсчета неизбежных потерь, привнесенных коварной болезнью.

Внизу, почти под самым балконом, у входа в продовольственный магазин было всегда оживленно. Там расположилась с нехитрым товаром – калеными семечками бойкая, не совсем старая женщина. Она жила в этом же доме, но Сергей знал о ней пока очень немного, только, практически то, что зовут ее тетя Марина. С тазиком, наполненным серо-черными семенами подсолнечника, стаканом и низкой скамейкой она приходила сюда ежедневно. Ее товар имел спрос, возле нее то и дело вставали прохожие, знакомые делились с ней новостями и своими заботами, и Сергей, бесшумно сидевший над их головами, становился молчаливым участником этих бесед. Так было позавчера и вчера, так, похоже, будет сегодня.

Вот к тете Марине подошла невысокая женщина с гладкой прической и с авоськой в руке. Тетя Марина приветливо поднялась ей навстречу, и женщины потерлись щеками, имитируя поцелуй. Потом они сразу затараторили, перебивая друг друга восклицаниями и вопросами. Говорили о многом, иногда по-разному относясь к предмету внимания, но в отношении собственного здоровья и розничных цен мнения их совпадали до идентичности – положение ухудшалось, они совпадали и в определении причины – власти во всем виноваты!

Этот вывод показался Сергею логичным: и в безудержном росте цен и тарифов, и в нездоровье людей власти были виновны безоговорочно. Впрочем, была и другая причина заговорить о властях: начиналась кампания выборов в Думу, в законодательный орган, высиживающий такие законы, от которых корчится в муках большая часть населения страны.

– Вот на выборах люди и покажут им козью морду! – с явной надеждой на перемены к лучшему говорила тетя Марина. – Надо же, какие стали порядки: одни, кто наглее, как свиньи в грязь, закопались в богатство, а другим, простым людям, достаются только объедки!

Из слов возбужденнейшей женщины Сергею становилось понятно, что живет она плохо, что своим семенным бизнесом занялась она не от скуки и не от страсти к торговому делу.

Она помогала выживать своим близким. И то обстоятельство, что приходилось им выживать, но не жить по нормальному, ее возмущало. Она говорила с обидой про то, что всю свою жизнь она честно трудилась на государство, а это самое государство ее, престарелую женщину так бессовестно облапошило, что даже признаться в этом ей стыдно.

– Живем в нищете! – восклицала она. – Стыдно стало даже гостей к себе пригласить, потому что попотчевать нечем! А те, кто у власти, все гребут и гребут под себя! Все никак не насытятся! Мужики не просыхают от пьянства а их шалавы по пять раз на день наряды меняют! Сама по телевизору каждый день наблюдаю!.. Гнать их всех надо поганой метлой, а выбирать только тех, кто позаботится о народе!

Реакция собеседницы тети Марины на ее гневную речь была неожиданной:

– А я на выборы уже давно не хожу, – призналась она. – Ну их к шутам: ходи не ходи, а все равно по-нашему не выходит...

Заметив изумление на лице подруги, она смутилась и стала как бы оправдываться:

– Все кандидаты ведут себя одинаково: до выборов обещают горы из золота, а как дорвутся до власти – о своих обещаниях сразу забыли! Ни к кому не достучишься потом со своими болячками. Теперь уж не верю я никому, все они, получается, болтуны и вруны! Нечего их выбирать: только время тратишь впустую!..

Сергей к выборам относился индифферентно: ходил иногда, когда было хорошее настроение или компания. Но чаще всего не ходил и не видел в этом ничего нехорошего. Он был уверен, что выборы – это простая формальность, что где-то там, наверху уже все давно порешали, что от его личного мнения абсолютно ничего не зависит, и уж тем более – не изменится. И все же он не мог не признать разумность реплики тети Марины:

– Чего же ты тогда возмущаешься?!.. Только что сама кляла власть за несносную жизнь, и тут же – на выборы не хожу-у! Тебе предоставлено право решать, кого ставить у власти, может это единственное, что ценного осталось у бедноты, самое дорогое его достояние!.. Ты не ходишь, так ходят другие! Они-то и навывирали нам таких, что одно только горе от них!.. И в этот раз выберут!

Тетя Марина была явно мудрее своей собеседницы, и Сергей невольно подумал, что она мудрее и его самого.

– А я вот, хожу! – с вызовом сказала она. – Не участвовать в выборах сейчас может тот, у кого все устроено, кому и так хорошо!.. У тебя сейчас все хорошо?..

– Какое! – смутилась подруга. – Живем на одну мою пенсию, а какая она – сама понимаешь!.. Мясо видим только по праздникам... Но толку-то от того, проголосую я или нет? Чего решает мой голос?!.. Он, как песчинка на морском берегу...

Эта женщина пыталась оправдать свою точку зрения.

– Это почему же один? – не согласилась с ней тетя Марина. – Как ты считаешь?!.. Пенсионеров в стране около сорока миллионов, почти половина всех избирателей! И все они такие же нищие, как и мы! Вот и прикинь: если все пенсионеры, только они одни, проголосуют за своего человека или за партию, то победа им уже обеспечена! А среди недовольных сейчас не только пенсионеры! А безработные?! Те, которых вынуждают кормиться позорными средствами: спекуляцией, воровством, разбоем и проституцией! А молодежь, которой перекрывают дороги к учебе?! Молодежь и та уже понимает, что из нее задумали сделать полуграмотных слуг! Прибавь их всех к сорока миллионам!.. А теперь посчитай по-другому – все стали думать так же, как ты: так мол и так, от меня ничего не зависит, и на выборы не пойдут. Какой тогда окажется результат?!.. Молчишь?!.. Тогда скажу я – будет так, что и сейчас: в депутатах опять окажутся одни пустобрехи и лизоблюды!

Тетя Марина села опять на скамейку, зачерпнула на ладонь семечек, снова ссыпала их в тазик и сказала, передернув плечами:

– А уж если тебе никто не по нраву, – голосуй против всех! Тоже будет понятно... Но не ходить – просто грех, я, лично, пойду обязательно.

– И правильно сделаете! – донесся до Сергея хрипловатый басок, и из зоны, не просматриваемой с балкона, к женщинам выдвинулся сторбленный мужичок в соломенной шляпе. – Я с интересом слушал ваш разговор, – слегка поклонился он тете Марине, – и не могу не одобрить все ваши слова. Вы абсолютно верно отметили: право на выборы – вот, что остается у нас действительно ценного! У меня тоже есть один из знакомых, вернее, – племяш. Он тоже заладил: я, дескать, нашел свою нишу, мне хорошо, и мне наплевать, кто там будет у власти! Вот дурачок! А еще – инженер, человек с высшим образованием! Работал когда-то даже начальником цеха, а сейчас – спекулянт! Торгует привозным лесом – вот его ниша! Я ему говорю: ты – простой спекулянт! И твоя ниша – это дыра в трухлявом полене! На него любой может ногой наступить и разрушить!.. Куда тебе – не понимает! Живет одним днем!

Сергей из-за шляпы не мог видеть лица говорившего, не мог определить его возраст, но, судя по здравому смыслу, это был человек с немалым жизненным опытом, скорее всего, пенсионер, потому что свои рассуждения он начал строить на примере пенсионной системы.

– От того, кого мы выберем в Думу, только и зависит наша судьба! Возьмите пенсионный закон! Каким он был, когда большинство в Думе держала партия коммунистов?.. Не помните?.. А тогда было так: пенсию назначали по стажу работы, суммы твоего среднего заработка и по его отношению к средней зарплате в стране. По этим данным устанавливали коэффициент каждому пенсионеру, постоянный коэффициент, чтобы в дальнейшем, при росте средней заработной платы в стране, пенсионеров не обижали! Коэффициент автоматически умножался на процент роста зарплаты... И так было по справедливому: растет уровень жизни, люди получают большую зарплату – жизнь улучшается и у стариков. Все были довольны. Коммунистов потеснили в Думе, из-за нас потеснили! Из-за тех, кто не ходит на выборы, и новые думцы сразу подрубали пенсионеров под корень – тот закон заменили на новый! А что по нему?.. Пенсии тоже вроде бы обязаны повышать, но принцип другой – компенсировать рост инфляции! То есть оставили стариков на постоянно при нищей суме! По первому закону у меня пенсия была бы раза в три больше, чем я сейчас получаю... Вот, что бывает, если не ходишь на выборы или не за того голосуешь...

Мужчина еще какое-то время излагал свою точку зрения на выборы, потом спросил у тети Марины:

– А вы, извиняюсь, за кого будете голосовать?..

– Я еще не решила, – уклонилась та от прямого ответа, – еще надо хорошенько подумать...

– За ЛДПР голосуй, мать! – раздался звонкий молодой голос, и у тазика с семечками появился парень спортивного вида с толстой коротенькой шеей и наголо остриженной головой. Он был полон энергии и дергался телом, как застоявшийся конь.

– А какой мне прок будет от этого? – осведомилась тетя Марина, опасливо взглянув на этого молодца.

– Самый значительный! – заверил молодой человек. – Можешь не сомневаться!.. Если мы придем к власти, никто уже не будет сидеть на ветру и продавать стаканами эту... продукцию!

Парень брезгливо поморщился, но спохватился и начал с пафосом декларировать:

– Мы сделаем вам утепленную будку, проведем в нее свет, сделаем водопровод и канализацию, вы сможете не выходить из нее круглыми сутками! Семечки вам будет доставлять сюда наша машина! Мы поставим здесь пост, чтобы вас охраняли, проведем сюда газ! Семечки будете жарить на месте!

Энергичный молодой человек бойко сыпал на голову ошарашенной женщины различные фигли-мигли о прекрасной будущей жизни торговли калеными семечками, только бы она проголосовала за ЛДПР. Узнав, что у тети Марины имеются внуки, он совсем загорелся:

– Внуки ваши будут учиться в элитных школах! Все школы будут элитными! Мы в школах изменим весь учебный процесс! Сейчас в школах учеба – каторжный труд, мы его упраздним! Дети будут учиться играючи! Урок будет не сорок пять минут, как сейчас, и пять минут – перемена, все будет наоборот: пять минут детишки будут учиться, а сорок пять – отдыхать! Из них выйдут превосходные ценители отдыха!.. Отдыхать будут все люди!..

– А кто же, простите, будет работать? – не выдержал мужчина в соломенной шляпе.

У тастика с семечками появилось еще несколько человек, их привлек громкий голос молодого оратора. Он был рад такому вниманию, и на ехидный вопрос соломенной шляпы ответил горделиво-запальчиво:

– Работать лошади будут!.. Лошади и машины! Машины – железные. Пусть они и работают, а люди должны отдыхать! Хватит! Они уже наработались!.. Вы посмотрите на женщин – унылые изможденные лица! Какие из них женщины?!.. Женщины созданы для любви! Мы освобождаем от работы всех женщин! У всех будет все, кто чего пожелает! Как только нашу партию выберут в Думу, все переменится!

– Но вы и так сколько лет уже в Думе, – заметил кто-то резонно.

– Хороший вопрос! – воскликнул радостно парень. – Да, мы были во всех уже Думах, но нас очень мало! Нам мешают работать! Особенно коммунисты!.. Они уперлись в свои бредовые догмы и вставляют палки в колеса истории! Голосуйте только нас!!

Молодой человек повел вокруг себя огненным взглядом и, пообещав прийти сюда еще раз, удалился.

Сергей, прослушав его трескучую речь, подумал: «Интересно, чего бы мне наобещал этот петух, узнай он о моих неприятностях?.. Сказал бы, наверно, что они, придя к власти, заставят хозяина ластиться возле меня, а не клевать меня вороном, ради собственной выгоды».

Проблемы в отношениях с хозяином у Сергея были всегда, но сейчас из-за этой обидной болезни, они могли разрастись и до разрыва всех отношений. Когда Сергей не смог подняться с постели и сообщил по телефону хозяину, что заболел, тот ответил сухо и коротко:

– Болей, чего здесь поделаешь? Я как-нибудь выкручусь...

Сергей ясно представил себе дальнейшую ситуацию: на его место сразу поставят другого – сейчас безработных людей предостаточно, а вот как будет с ним? Юридически он сам – безработный: никаких договоров хозяин заключать с ним не стал: приходи, работай, получай за день на руки. Ни приказа о зачислении, ни записи в трудовой книжке, а значит – ни больничных, ни стажа работы, ни отчислений на пенсию... До болезни эти вопросы Сергея как-то не очень тревожили: он еще молод, здоров – как-нибудь все образуется. Сейчас они поднялись перед ним в угрожающий рост, и решения их пока он не видел.

Вывел его из удручающих размышлений шум, возникший на пяточке возле тети Марины. Там заспорили двое мужчин, оба в приличной одежде, оба почтенного возраста, оба с лысиной на затылке. Только один был ростом пониже, потолще, и с клюшкой, второй – значительно выше и тоньше.

Разными у них были не только фигуры, но и мировоззрение. Оно соответствовало, очевидно, их не равному материальному положению. В руке у высокого была авоська с картошкой, немного: килограмма полтора-два, не больше. Толстый напряженной рукой удерживал сумку, из которой торчали наружу два хвоста колбасы. Он ворочал в стороны головой и защищал существующие порядки: все сейчас хорошо, все идет так, как надо, а кто недоволен, тот сам себе виноват – надо шевелить мозгами и пальцами. В качестве главного аргумента улучшения жизни в стране он приводил положение, в каком страна оказалась при Ельцине и то, что стало сейчас.

– Нашел, кого ставить в пример! – выкрикивал тощий. – Пьяницу, клятвопреступника, оборотня!..

«Вот мужик разошелся! – усмехнулся Сергей. – По виду – интеллигент, может, учитель. Допекло его, видимо, так, что он уже ничего не боится: вон какие тирады! И не о ком-нибудь из соседей, а о самом Президенте страны, неважно, что бывшем!.. Жизнь заставляет его вопить благим матом».

Но толстый упрямо стоял на своем:

– Ельцина выбрал народ! Значит, он был нужен народу таким, какой был!

– Народ об-ма-нули! – выкрикивал тонкий голосом, срывающимся на визг. – Неужели это не ясно даже теперь?!.. Наболтал, наобещал несусветного, своей жизнью поклялся, что при нем никому хуже не будет, а сам всю страну пустил под откос! Взорвал, как диверсанты пассажирский состав!.. Я вот сейчас из аптеки иду, – сменил неожиданно он масштаб рассмотрения проблемы, – все деньги там оставил, а то, что купил, не уверен – поможет ли мне!.. Вчера по телевизору передали, что в аптеках больше половины лекарств фальшивые! На всю страну передали эту страшную весть! А власти тоже, наверно, слушают эти известия!.. Слушают и помалкивают!.. А может, им это и надо?.. Чем меньше нас будет, тем уютней им будет сидеть в своих резиденциях!.. Не дай бог на этих выборах опять ошибиться!..

– А как угадаешь, кто из них кто? – слышится голос тети Марины. – Все они говорить научились так, что заслушиваешься.

– Нет, судить о них уже можно, – отвечает высокий спокойнее. – Партии – те же. Вспомнить надо про то, что они обещали перед прошедшими выборами, и что они делали в депутатах, что сделали из того, что раньше наобещали... Сравнивать можно, фактов достаточно...

Высокий поискал глазами своего жизнерадостного оппонента, но тот уже куда-то исчез.

Пятачок под балконом напомнил Сергею агитплощадку, на которых в советское время собирали народ для различных идеологических обработок, для прочистки мозгов. Здесь он собрался стихийно, без предварительной подготовки. У тастика с семечками то и дело менялись ораторы, говорили они горячо, от души, но все речи были практически об одном – жить стало хуже, жизнь стала невыносимой... Каждый приводил факты в подтверждение своих неутешительных выводов. Факты впечатляли, каждого хватило бы на законное заключение: сейчас в государстве не все в порядке относительно справедливости, но вот парадокс – обилие фактов снижало значимость каждого. Чем больше людей говорило о своих злоключениях, тем больше не хотелось их слушать. Приелось! У Сергея вновь разболелась нога, и он с чувством омерзения к кровососам, пробравшимся к власти, перешел в комнату, сел на диван и включил телевизор. Ему хотелось чем-то отвлечься, увидеть что-то приятное для души, но и там!..

Шла передача о каком-то сибирском селе. Картины, одна непригляднее другой, опять вгоняли в тоску: кособокие избы с прогнившими крышами, люди в рваных одеждах с лицами узников концлагерей, на заснеженных улицах – в Сибири уже в разгаре зима – не видно ни одного машинного следа, по ним, качаясь от голода, бродят одни лишь худые собаки.

Корреспондент говорит, что село вымирает, что людям негде работать, что живут они только за счет огородов.

Но появление здесь телевидения – не уникальность села, таких вымирающих сел сейчас тысячи. Повод приезда сюда группы телевизионщиков другой: в село из далекой Германии прислали старые вещи – гуманитарная помощь. Местные власти решили раздать ее безвозмездно и на церемонию пригласили представителей СМИ. Раздачу сделали в школе. Завуч, женщина средних лет с утомленным лицом, говорит, что вещи как нельзя кстати: многие дети ходят в школу в лохмотьях. Она примеряет какую-то кофту на девочку лет десяти. Кофта красивая и по росту, но девочка прячет от телекамер лицо: ей стыдно. Стыдно за себя, за родителей, за родную страну.

Сергей не смог наблюдать спокойно за этим позорищем и выключил телевизор. «Знает ли наш Президент горькую правду о жизни народа? Как его сердце выносит такое?!..» Он лег

на диван и начал считать, сколько дней остается до выборов. Теперь-то уж их он ни за что не пропустит.

2003 г.

Под хмельком

Николай Фомич, конечно, старел, но цепко продолжал держаться за жизнь, и на таблетках, микстурах, кефирах, а также на физических упражнениях, выполняемых им ежедневно, он проскрипел до своего восьмидесятилетнего юбилея. Впрочем, «проскрипел» – это для него не совсем точное выражение. В свои почтенные годы Николай Фомич выглядел молодцом. Поджарый, подтянутый, почти как солдат строевой подготовки, он вместе с выправкой сохранил стопроцентное зрение, безукоризненный слух и почти все свои зубы.

Максим, старший сын юбиляра, задумал с размахом отметить семейный знаменательный день. Отца он любил и помнил его не заурядное прошлое: Николай Фомич был в свое время крупным партийным работником. И об этом знали не только в этой семье.

На торжество, кроме родственников, были приглашены здравствующие еще знакомые юбиляра, кое-кто из соседей и трое сослуживцев Максима.

Виновника торжества посадили на почетное место, дружно наполнили стопки и рюмки, и стали произносить юбилейные тосты. Николай Фомич, если и не осушал каждую стопку до дна, то понемногу все же отхлебывал и вскоре хорошо захмелел. Захмелели и гости, а насытившись, стали просить старика рассказать им о прошлом, том, как жилось всем тогда, при Советском режиме.

Николай Фомич, польщенный общим вниманием, предварительно уточнил:

– О чем вы конкретно желали бы знать?

– Обо всем! – был единый ответ. – Нам сейчас обо всем интересно.

– Расскажи о колхозах, – попросил его внук. Он учился в девятом классе и, вероятно, вопрос задал с целью прояснить что-нибудь по школьной программе.

– Почему про колхозы? – удивился Максим Николаевич. – Дедушка твой никогда не работал в колхозе. Дедушка был партийным, руководящим работником. Он руководил партийной организацией в городе. Он...

Но здесь Николай Фомич возразил:

– Нет, я и о колхозе могу рассказать!.. Колхоз – это такая организация сельского населения, когда...

И он доходчиво, хотя слегка запинаясь, стал говорить о сути колхозов, об их преимуществах перед единоличной аграрной системой, незаметно увлекся перечислением таких преимуществ, но спохватился – надо быть честным – и вспомнил о недостатках.

– Правда, они, со временем, стали халаяничать, – говорил он, – посадить-то посадят, а когда настанет пора убирать урожай, кричат: помогайте, людей не хватает! Ну, мы, партийное руководство, конечно немедленно реагируем. Всех хозяйственников собираем к себе, ставим по стойке смирно и даем разнарядку – тому-то столько-то человек направить туда-то. Кому на отгрузку арбузов, кому собирать помидоры, а кому на прополку или на продбазу. И никому не было позволено отвертеться и вякать. Разговоры про свои планы не принимались: уборка урожая – важнее всего!..

И вдруг юбиляр, перебивая себя, заявил:

– А ведь я, знаете ли, и сам поработал в колхозе! Да! Имею за это Почетные грамоты!..

Гости, знавшие его биографию, переглянулись с улыбками: видимо, старичок так перебрал, что стал привирать.

Николай Фомич засек этот элемент недоверия и обидчиво произнес:

– Работал! Еще когда в институте учился!

Гости смущенно потупили взоры, а он продолжал:

– Тогда в институтах была такая система: студентов первых трех курсов после весенней сессии тоже было принято отправлять на помощь колхозникам. Пропалывать, убирать уро-

жай... Ну, дел было много... Создали бригаду и из нашего курса. И вот один однокурсник, Арнольд, отозвал нас, четырех человек, в сторонку и говорит: «Есть возможность не бесплатно работать, а за приличные деньги. Согласны?..»

Мы четверо, уже сблизившихся друг с другом студентов, конечно же, дали согласие. Работать все равно придется, а денег, особенно в то время, нам никогда не хватало.

Юбилляр ненадолго умолк, видимо, переживая былое. Гости вежливо ждали продолжения рассказа.

– Дальше мы жили по предложенной Арнольдом схеме, – прервал Николай Фомич паузу. – Нас четверых каким-то образом зачисляют в гортоп простыми рабочими. Там мы, якобы, в течение трех дней пилим и колем дрова, достигая при этом стахановских результатов. Ни пилы, ни каких топоров мы, естественно, и в руках не держали. Потом, уже от гортопа, нас направляют в тот же колхоз, куда мы должны были попасть от института. От гортопа нас туда направляют с сохранением среднего, этого фантастического заработка на все время пребывания в колхозе... Всю эту комбинацию, как потом я узнал, придумал папаша Арнольда... И это еще не все. Этот папаша придумал и как своего сына, Арнольда, а с ним и всех нас освободить от тяжелой колхозной работы. И очень удачно: в колхозе мы бы ни дня не работали. Жара, комары, прополка – жизнь, хуже каторги. В первый же день мы решили бы плюнуть на все: на деньги, на неприятности в институте, и сбежать. Папаша Арнольда все это предвидел. Он уже договорился обо всем с председателем колхоза, и мы, показавшись в колхозе, в тот же вечер вернулись в город, домой. Все лето мы провалялись на пляже, хорошо загорели, а перед началом семестра Арнольд собрал нас опять и просит расписаться в ведомости на зарплату, вручает нам деньги. Но не все, что указаны в ведомости, а на двадцать процентов с каждого меньше.

– Это, – говорит он, – надо отдать начальству гортопа за то, что они сделали нам такую большую зарплату. И председателю колхоза.

Николай Фомич обвел гостей настороженным взглядом и почему-то поднял вверх указательный палец.

– Никто из нас, конечно, не возражал, – продолжил он свой занятный рассказ. – Деньги, которые мы тогда получили, были для нас фантастические... Вот, такие были дела... А потом мы еще два года по этой же схеме проводили все лето. К тому же: в конце каждого лета в институт приходило письмо из колхоза, в котором нас, каждого персонально, колхозники благодарили за помощь... Я, конечно, все схематично здесь изложил, самую суть, – сказал Николай Фомич в заключение. – За каждой деталью этой схемы была продуманность, договоренность, доверие... Но все было отлично – никто не оказался в обиде...

Юбилляр заносчиво посмотрел на гостей и счел необходимым добавить:

– Колхоз был миллионером, но все равно, председатель не отказался от дополнительных денег, отец Арнольда – тоже. А мы, студенты, были довольны до бесконечности: в каникулы – делай что хочешь, а в конце их – хорошие деньги. Плюс к этому – почет и уважение в институте: далеко не за каждую группу студентов приходила в институт благодарность...

Гости переглянулись и стали шушукаться. Максиму Николаевичу стало неудобно перед ними за это неприглядное откровение, и он, обращаясь непосредственно к сыну, к тому, кто поднял колхозную тему, сказал:

– Дедушка пошутил! Дедушка у нас с юмором!..

Но Николай Фомич возразил:

– Нет, я совсем не шучу! Я работал в колхозе! Я эти грамоты могу вам сейчас показать!..

Максим Николаевич подошел к старику и прошептал ему на ухо: «Пойдем на боковую, отец, тебе уже хватит».

Николай Фомич нехотя подчинился. Пошел, но уже в дверях, он вдруг обернулся и выкрикнул:

– А вот еще было...

Договорить он не смог: сын втокнул его в комнату и плотно прикрыл за ним дверь. Вечеринка продолжилась без юбиляра, бывшего партийного работника крупного ранга.

Слухи о казусе на юбилее как-то быстро распространились, и однажды сына Николая Фомича остановил в переулке один из знакомых, который по какой-то причине на торжестве не присутствовал.

– Наслышан, наслышан, – с довольно ехидной улыбкой начал он разговор, и прозрачными намеками и недоговорками ловко смешивал юбиляра с не отмываемой грязью. Дескать, вот это да! Вот каким оказался наш уважаемый Николай Фомич! Вот тебе и партийный работник!.. И это в то время, когда считалось, что партия – это ум, честь, а главное, совесть народа!

– Это произошло в институте, а отец тогда еще членом партии не был, – ответил с неприязнью Михаил Николаевич.

И он пошел прочь от весьма говорливого встречного, сожалея о неуместной откровенности юбиляра.

– Конечно, конечно! – несло ему вслед. – Действительно!.. Но если он еще в студенческом возрасте, еще будучи беспартийным, выкидывал такие коленца, то что же вытворял он, имея на руках диплом, а в кармане билет члена партии!

Максим Николаевич на эти слова ничего не ответил, возможно, он их не услышал. От какого-то предка он перенял удобное качество: способность не слышать, игнорировать то, чего слышать не хочется.

2004 г.

Личная выгода

Мироздание еще далеко от своего совершенства, и, прежде всего, далеки от этого люди – так полагают философы, и в этом с ними вряд ли поспоришь. Причин человеческой неполноценности много, как много и форм ее проявления...

В огородно-садоводческом обществе, с символичным названием «Дружба», жизнь текла тихо, мирно и относительно счастливо. Место оно занимало отличное – пригород, берег реки, подъездная асфальтовая дорога, были здесь уже газ, водопровод, электричество... Все проблемы решались правлением общества грамотно, без проволочек, по справедливости, да и серьезных проблем здесь практически не возникало. Днем люди копошились на огородных участках, называя их уважительно дачами, а вечерами сидели у телевизоров, ходили в гости друг к другу, распивали чай, играли в неазартные игры, обсуждали интересные новости.

На фоне этого завидного благополучия, еще благополучнее казались отношения двух семейств: Наливайко и Мухиных. У Наливайко это были Павел Сергеевич, подполковник в отставке, еще бравый и задиристый мужичок, и его супруга Нина Ивановна, бывшая учительница истории. Мухины здесь жили тоже вдвоем: Константин Николаевич, бывший партийный работник и Ольга Петровна, гостеприимная домохозяйка.

С самого утра соседи проявляли знаки внимания и уважения друг к другу, стараясь проявить их первыми.

– Приветствую тебя, друже! – восклицал Павел Сергеевич, увидев в окно спозаранку соседа. – Как поживалось?

– И тебе мой привет! – отзывался радушно Константин Николаевич. – Спасибо. Все хорошо.

После обоюдных теплых приветствий они располагались в одной из беседок и заводили разговор о здоровье, о прогнозах погоды, о событиях в мире и о прочих делах пока их супруги не звали на чай со свежей клубникой или смородиной.

Летом сюда приезжали молодые члены этих семейств, и тогда любимым занятием всех было порассуждать о былом, привнося в него героический пафос. Пожилые, как правило, говорили, а молодые внимательно слушали: им интересно было знать в подробностях свои родовые.

Дружба эта завязалась давно.

– Еще наши прадеды крепко дружили, – говорил зычным голосом Павел Сергеевич, насытившись чаем с черной смородиной. – Они вместе боролись за советскую власть, громили банды махновцев, потом сражались с фашистами. После победы все силы отдавали на восстановительных стройках.

– И делали это все беззаветно, с верой в лучшее будущее, – добавлял тенорком Константин Николаевич. – С верой в мудрость и прозорливость вождей государства.

Слова о героическом прошлом иногда подкреплялись вещдоками, извлеченными из сундуков, окованных полосами железа. Среди них были: красноармейская шапка-буденовка, солдатская фляжка, котелок. Котелок был простелен, и для своего прямого предназначения был уже непригоден, но именно он всегда становился центром внимания. Здесь были также коробки с наградами за воинские отличия и за доблестный труд в военные и послевоенные годы. Сундуки были заполнены такими реликвиями, и у людей, возбужденных их видом, возникала амбициозная мысль – а не создать ли нам общесемейный музей.

– Наша дружба навечно! – на такой торжественной ноте завершался обычно вечер воспоминаний, и никто не сомневался в нерушимости этого утверждения.

Однако вечного ничего не бывает, все когда-то рождается, растет, стремится к своему совершенству, достигает его, а достигнув, начинает спадать, увядать, двигаться в обратном направлении.

Процесс безысходный и косный, и все-таки в нем имеется кое-что интересное – его временные отрезки не одинаковы. В одних случаях начало почти совпадает с концом: не успевает начало начаться, как сразу кончается, мгновенно, подобно горению искры. В других – процесс замедляется и может длиться годами, веками, эпохами. Более того, временные рамки не только не одинаковы, они подвижны и даже поддаются регулировке. Под контролем и управлением разума.

Регулировка, в практическом смысле, заключается в том, что поощряются факторы, благоприятные продолжению и процветанию жизни, и своевременно искореняются вредные. Последнее особенно важно: важно во время обнаружить вредителей, которые действуют обычно коварно, исподтишка.

Коварный вредитель появился и в садоводческом обществе «Дружба», патриархальную жизнь его обитателей стало смущать иноземное веяние: во всех делах нужно выкраивать личную выгоду. Тлетворный процесс, порожденный этим веянием, быстро вышел из-под контроля рассудка, и громогласно зазвучал вероломный девиз: личная выгода превыше всего!

Идею извлечения личной выгоды стал культивировать новый председатель общества «Дружба» Горбулин, довольно приятный по внешности человек среднего возраста. На эту хлопотливую должность он был рекомендован самим Романом Борисовичем, старым председателем и основателем «Дружбы», который по состоянию здоровья уже не мог оставаться у руководства. Старого председателя здесь уважали и надеялись, что он предложит вместо себя человека, тоже достойного уважения. Но в его прощальной речи прозвучали слова, понять которые можно было не однозначно:

– С Горбулиным вам скучать не придется. Это человек с нестандартным мышлением. У него много интересных идей. Дай бог, чтобы они пошли вам на пользу.

О содержании этих идей старый председатель распространяться не стал, кандидат в новые председатели тоже ограничился словами: «Заверяю вас, что дела наши будут не хуже, чем шли с Романом Борисовичем». И Горбулин был избран.

Он оказался очень общительным: охотно вступал в разговор с любым встреченным человеком, и никогда не прекращал его первым. Вначале эта общительность нравилась, казалась положительным качеством, но скоро стала надоедать.

Идеями новый председатель общества «Дружба» действительно был наполнен до самой макушки. Особенно он носился с одной – с желанием все вокруг переделать, перестроить, переиначить. Эта идея была у него, похоже, маниакальной. На собраниях, которые стали проводиться еженедельно, и не только на них, но и в частных беседах, Горбулин подвергал язвительной критике существующее положение дел. Называл его, брезгливо, словами: застой, древний способ хозяйствования, рутина. Сейчас, говорил он, кончилось время стадного образа жизни, сейчас каждый должен быть сам себе голова, каждый должен строить свою жизнь по-другому. Надо, говорил он, перестроиться, надо извлекать из всего, где это возможно, личную выгоду. А как – любыми доступными средствами, кто как сумеет.

– Личная выгода – это основа благополучия, – жужжал постоянно Горбулин. Простодушные садоводы и огородники поверили в эти жужжания и дружно занялись непривычным занятием: стали выискивать личную выгоду. Они перестали интересоваться политикой, перестали читать газеты и книги, изменили отношение к учебе. Учеба стала казаться им уже чем-то не нужным, поскольку даже учителей стали часто видеть на рынках, продающих старые вещи или занятых спекуляцией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.